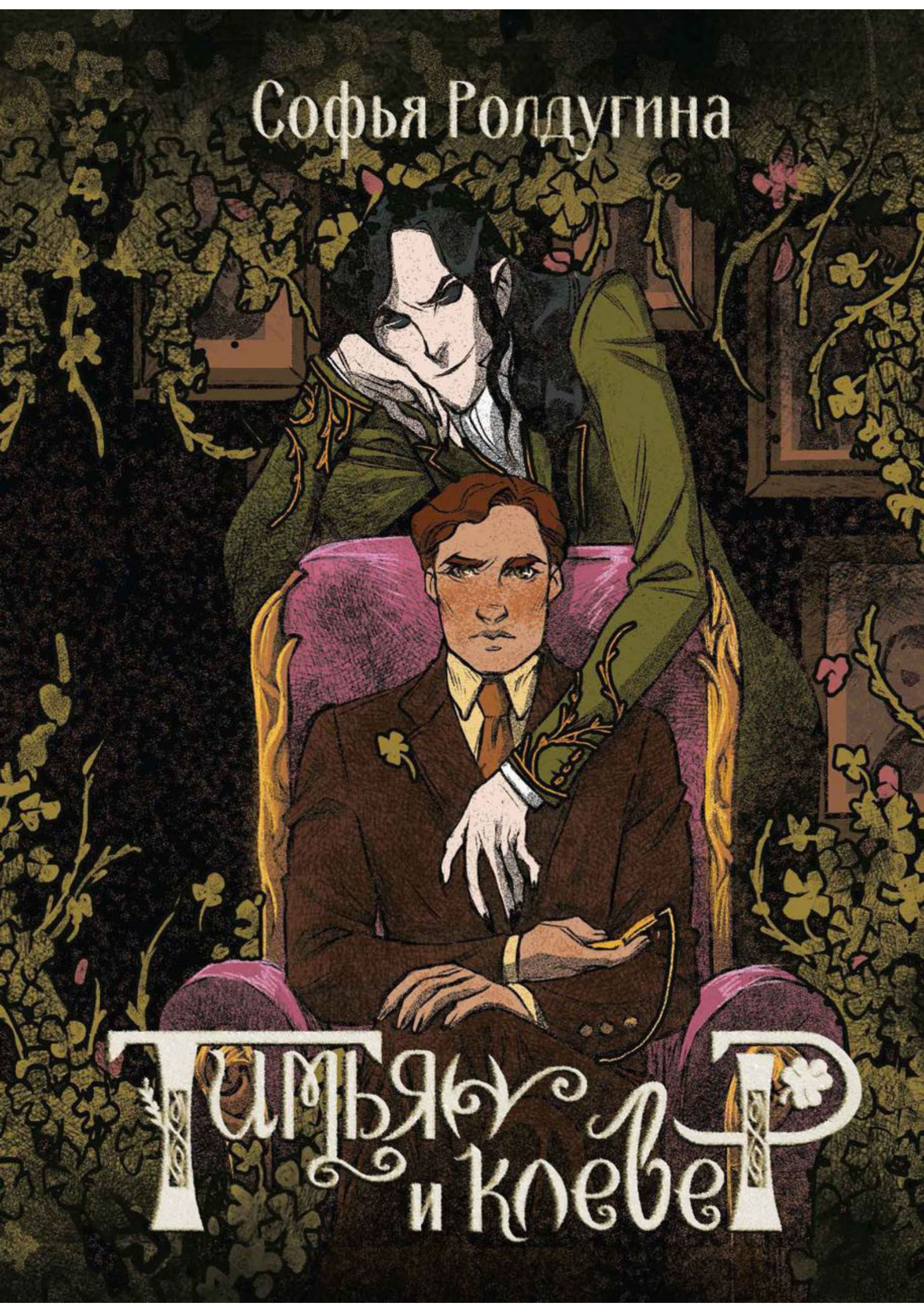
Софья Ролдугина



Тимьян и клевер

Лисы Графства Рэндалл

Софья Ролдугина

Тимьян и клевер

ООО "Эвербук"

2013–2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

Ролдугина С. В.

Тимьян и клевер / С. В. Ролдугина — ООО "Эвербук", 2013–2015 — (Лисы Графства Рэндалл)

ISBN 978-5-517-08010-3

Когда фейри живут рядом с людьми, то чудеса на улицах встречаются чаще, чем кэбы. То влюбится какой-нибудь честный малый в крылатую девицу, то клуракан спьяну устроит розыгрыш… Хорошо, что в Дублине есть детективное агентство, которое работает не только для простых смертных, но и для волшебного народца – «Тимьян и Клевер». Там вас встретят Айвор – изворотливый колдун-фейри, и Киллиан О'Флаэрти – сыщик, джентльмен и просто хороший парень. Вместе они могут распутать любое дело! Вот только разбираться с собственным прошлым куда сложнее, чем решать чужие проблемы. …а вдали уже набирает ход машина войны – чудовищная, громыхающая металлом. Прозвучало недоброе предсказание; ставки сделаны. Спеши, Киллиан. Спаси напарника, если сумеешь – и всех фейри заодно. Время пошло.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-517-08010-3

© Ролдугина С. В., 2013–2015
© ООО "Эвербук", 2013–2015

Содержание

Глава 1. Вилья 6
Глава 2. Волшебный вор 26
Глава 3. Бездолье 42
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Софья Ролдугина
Тимьян и клевер

© Софья Ролдугина, текст, 2022
© Илона Шавлохова, обложка и внутренние иллюстрации, 2022
© Варвара Воронина, леттеринг, 2022
© Евгения Саяпина, форзацы, 2022
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

Глава 1. Вилья

Неприятности в доме номер девять на углу Рыночной площади всегда начинались с одних и тех же слов.

– Флаэрти, мне срочно нужны деньги.

Киллиан поёрзал в кресле и несолидно сполз пониже, прячась за газетой, но когда это помогало?

– Флаэрти, я к тебе обращаюсь!

Газета прытко рванулась из рук, вспорхнула к потолку и рассыпалась душными розовыми лепестками, обильно покрывая стол, паркет, кресло и самого Киллиана. Этого вороха с лихвой хватило бы на четыре букета и ещё немного бы осталось, и из-за горизонта вставал уже гневный призрак Нив, которой на голову с утра пораньше свалилась внеурочная уборка.

– Можно из этого сделать варенье, – задумчиво произнёс Киллиан, вынимая приторно пахнущий розовый лепесток из чашки с чаем. – Напишу матушке, пожалуй, у неё был рецепт…

– Не выйдет, – с довольной ухмылкой заключил Айвор. – На вкус они всё равно как газета.

– Так сколько? – сдался Киллиан.

– Двадцать фунтов.

– На что?

– Карточный долг.

– Давно?

– Неделю назад.

– Вопрос, как чистокровный фейри умудрился продуть двадцать фунтов, полагаю, останется без ответа?

– Не бурчи, Киллиан, – мигом повеселел Айвор, как только понял, что долг за него вернут. – Я просто играю честно. Есть области, мой любезный друг, где магию применять нельзя – покер, например. Или любовь. Это потом дорого обходится.

– Пока нам дороже всего выходят твои загулы, – помрачнел Киллиан, прикидывая состояние общих финансов. – У меня нет свободных двадцати фунтов.

– Ну так заработай. И не забывай, я тебе жизнь спас, что по сравнению с этим какие-то презренные деньги? – махнул рукой Айвор и прикрыл глаза, давая понять, что разговор окончен.

Киллиан Флаэрти вздохнул и поднялся из-за стола. Аппетит испарился. А виноват в этом был бессовестный компаньон…

«Самое неприятное, что он прав. Действительно, жизнь спас».

– Между прочим, – бормотал себе под нос Киллиан, завязывая шейный платок, – мне тогда было восемь лет. И я знать не знал о всяких фейри, волшебных обязательствах и долгах. И можно подумать, что он совершил невероятный подвиг, а любой другой прохожий просто сплюнул бы с высокого берега на тонущего мальчишку… Разве это не был всего лишь поступок порядочного джентльмена? Почему я должен всю жизнь потакать прихотям бесстыжего, сластолюбивого, эстетствующего транжиры и…

– Я всё слышу! – донеслось обиженное из столовой.

У Киллиана вырвался вздох.

А ведь тогда, шестнадцать лет назад, на берегу реки Айвор действительно выглядел не просто как герой – как настоящий лорд фейри. В зелёных шелках, с серебряным венцом на челе, с приколотой на груди веточкой тимьяна, он стоял себе, загадочно щуря тёмные глаза, и небрежно расспрашивал спасённого только что мальчишку: «Где твои родители? Ты сын знатного человека? Нет? Богача? Тоже нет? Ах, у вас есть небольшое поместье, и ты старший

сын? Ну, что ж, тоже неплохо. А твоя семья пригласит меня ненадолго? В благодарность за спасение жизни первенца?»

«Ненадолго» как-то незаметно превратилось в «на год-другой», а затем и вовсе в зловещее «навсегда». Айвор к тому же заимел скверную привычку раз в месяц-два заявляться к отцу семейства с обескураживающе очаровательной улыбкой и просить оплатить свои долги. Если мистер Флаэрти начинал сомневаться, в ход шёл главный аргумент:

«Неужели вы считаете, что жизнь вашего сына не стоила и восьми фунтов?»

Время летело, а суммы росли.

Смекнув через девять лет, к чему дело движется, Киллиан заручился материнским благословением, с лёгким сердцем отказался от будущего наследства в пользу младших сестёр, уложил в саквояж смену одежды, пару книг по медицине и искусству, старенькое Писание, ковригу хлеба, рекомендательное письмо – и отправился искать счастья в Дублин, втайне надеясь, что фейри отвяжется где-нибудь по дороге.

Не тут-то было.

Айвор последовал за ним с бессмысленным упорством приворожённого.

Троюродный кузен матери, старший констебль О'Рейли, охотно взял под крылышко юного родича и пристроил его на работу в полицию. Сперва – своим помощником, мальчиком на посылках, затем – младшим констеблем… Повертевшись пару лет в участке, Киллиан понял, что такая жизнь ему не слишком по вкусу, да и растрат Айвора не покрывает, и решил по примеру многих и многих открыть своё дело.

В отличие от этих «многих» ему повезло – частное детективное агентство «Тимьян и Клевер» не только не прогорело, но даже и преуспело.

– Вся соль в удачном названии, – веселился Айвор после третьего благополучно раскрытого дела, обмывая более чем щедрый гонорар и безуспешно пытаясь споить Киллиана. – Ты ясно дал понять – не без моих ценных советов, разумеется, – что готов помогать не только людям, но и попавшим в затруднительное положение полукровкам и даже фейри. А мы, знаешь ли, приносим таким, как ты, удачу…

Полгода назад Киллиан скопил достаточно, чтобы оплатить аренду небольшого, но вполне современного дома, приткнувшегося аккурат на углу Рыночной площади, заказать наконец-то нормальную вывеску у резчика и переехать из мансарды под дырявой крышей в подобающее джентльмену жилище. Айвор, естественно, последовал за ним, а кутить стал даже больше, чем прежде.

Именно поэтому Киллиан хотел навестить сейчас одного из давних своих знакомых.

– Добрый день, дядя О'Рейли!

– Килл, племянничек, рад тебя видеть! – Невысокий сухопарый мужчина лет эдак сорока с хвостиком проворно вскочил с кресла и стиснул Киллиана в горячих родственных объятиях. – Давненько ты не заходил к старику, кхе-кхе, женился уже, поди?

– Мы с вами виделись не далее чем в прошлом месяце, когда бы я успел?

– А как же прелестница Рози? – заговорщически подмигнул О'Рейли.

– Так же, как и прелестница Агата, – покаянно вздохнул Киллиан, благоразумно решив не упоминать, что руку к этому – а также смазливую физиономию и кое-что ещё – приложил неугомонный компаньон. – Впрочем, не будем о грустном. Дядя, у вас нет никакого дела на примете? Желательно из тех, когда клиент предпочтёт хоть переплатить, но зато и поспешить?

– Снова Айвор?

Раздался призрачный смешок.

– Не упоминай его имени вслух, лучше говори «этот проходимец» или что-то в таком же духе, – попросил от души Киллиан, знобко передёрнув плечами.

– Ну да, ну, да, – легкомысленно откликнулся дядя. – И сколько на сей раз?

– Не так уж много. Но Джейн, кажется, всерьёз нацелилась на свадьбу, и как любящий брат я должен…

– Понимаю, – рассмеялся О'Рейли. – Но чем тебе может помочь скромный служитель закона? Я, знаешь ли, всего лишь один из тех бесполезных стариков, которые досиживают последние годки на службе, кхе-кхе, – выразительно кашлянул он, потирая поясницу.

– Этот «скромный служитель» – заместитель главного констебля…

– …в маленьком и безвестном участке на окраине Дублина, – с фальшивым смирением закончил за него дядя. – Как насчёт двух фунтов?

– Как насчёт того, что я забуду, что кто-то должен мне полтора фунта?

– Сразу видно, что наша кровь, никакими Флаэрти её не разбавишь, – восхитился дядя. – Ну, что ж, племянничек, можешь попытать счастья с одним джентльменом, который поджидает в приёмной на первом этаже. Ты его ни с кем не перепутаешь – к нему такая девица прилагается, кхе-кхе…

Дядин кашель показался Киллиану зловещим.

И не зря.

Джентльмен и правда обнаружился в приёмной, посреди целой толпы почтенной и не слишком публики, но выделялся он из неё, как майский шест на лугу, потому что держал на руках прекрасную светловолосую леди – босую и одетую лишь в расшитую рубаху до пят и коричневый сюртук. Сам джентльмен щеголял таким безнадёжно-влюблённым выражением лица, что у Киллиана аж желудок скрутило.

Пришлось напомнить себе о двадцати фунтах, легкомысленном настроении Айвора и о грядущей взбучке от Нив из-за розовых лепестков.

– Добрый день, сэр, – негромко поздоровался Киллиан, подойдя к потерянно озиравшемуся джентльмену. – Я могу вам чем-то помочь?

– Вы констебль? – расцвёл робкой улыбкой искомый джентльмен, трогательно рыжий и долговязый. Вблизи он возвышался над Киллианом на целую голову.

– Не совсем, – уклончиво ответил тот. – Однако, полагаю, я могу вас по крайней мере выслушать… и, вероятно, подсказать что-нибудь.

На лице у джентльмена проступило мучительное сомнение. Черноглазая цыганка-гадалка в красном плаще отвлеклась от тихого охмурения в уголке разгневанного бородатого торговца, вероятно, и притащившего её в участок, и заинтересованно обернулась.

– Понимаете, – произнёс наконец джентльмен, крепче прижимая к себе хрупкую ношу. – Я… решил жениться. Как можно скорее.

Киллиан оценил изящную щиколотку, видневшуюся из-под подола рубахи, и понятливо кивнул:

– Конечно. А ваша, гм, избранница знает об этом?

– Нет, – убито сознался джентльмен. – Она не говорит ни по-ирландски, ни по-английски. Я только понял, что у неё что-то украли, и отвёл её сюда, а потом она вдруг упала и заснула на месте. И всем, представляете, абсолютно всем наплевать!

«Разумеется, – приуныл Киллиан. – От этой девицы за милю несёт волшебством фейри. Кто же захочет связываться?»

А вслух уверил джентльмена, улыбаясь:

– Вам очень повезло. Я именно тот, кто вам нужен в этой ситуации.

– Да? – несколько растерялся джентльмен. – И как мне к вам обращаться… сэр?

Киллиан расправил плечи, пытаясь придать себе внушительности, и громко произнёс:

– Киллиан Флаэрти, совладелец частного детективного агентства «Тимьян и Клевер», к вашим услугам.

Цыганка в углу фыркнула и отвернулась. А Киллиан, не давая джентльмену опомниться, увлёк его за собой на улицу, поймал кэб и приказал немедля ехать к рыночной площади.

«Надеюсь, Нив уже справилась с розовыми лепестками».

Рыжий джентльмен, в первый момент ошеломлённый напором, немного пришёл в себя и попытался расспросить Киллиана об агентстве. Узнав, что «Тимьян и Клевер» действует с разрешения и одобрения начальника полиции, он успокоился и наконец представился. Оказалось, что зовут его Томас О'Доэрти, и банкиру О'Доэрти он приходится меньшим братом. И сегодня с беднягой Томасом случилось удивительное происшествие…

– …Значит, нынче утром вы вышли в сад, чтобы срезать примулы для вашей глубокоуважаемой матушки, – осторожно подытожил Киллиан долгий и запутанный рассказ. – И под старым дубом обнаружили горько плачущую юную леди в одной рубахе.

– И я сразу влюбился, – застенчиво уточнил Томас.

Киллиан терпеливо вздохнул.

«Надо сперва разобраться, не приворожила ли его эта обморочная особа».

– И вы сразу влюбились. Девушка говорила на незнакомом языке, но сумела жестами объяснить, что у неё украли нечто дорогое. Вы отвели бедняжку в участок, и тут она лишилась чувств. Всё верно?

– А потом появились вы.

– А потом появился я, – скромно подтвердил Киллиан. – И спас вас. Ну, почти. К слову, сэр, не будете ли вы столь любезны…

Томас был, а потому без тени сомнения оплатил услуги кэбмена. С облегчением осознав, что поездка уже окупилась, Киллиан распахнул перед гостем калитку:

– Прошу. Только, пожалуйста, не наступите на примулы и наперстянку, мой компаньон весьма трепетно относится к… к… к садоводству.

– А на клевер наступать можно? – полюбопытствовал Томас, с сомнением разглядывая изрядно подзаросшую дорожку к дому.

– А как иначе пройти? – вздёрнул Киллиан брови домиком. – Хотя рекомендую повнимательней смотреть под ноги, тут частенько вырастает клевер с четырьмя лепестками… Нам сюда, сэр.

Заколдованная вывеска, на которой тимьян гнулся от ветра, как настоящий, произвела на Томаса впечатление, и в гостиную он входил уже проникнувшись должным почтением. Наконец-то проснувшаяся Нив шумно топала где-то на втором этаже, наводя порядок в спальне или в кабинете, окна были распахнуты настежь, тёплый весенний ветер слегка колебал тонкие занавески, и яркий солнечный свет падал неровными, дрожащими пятнами. Киллиан помог Томасу расположить девушку в кресле, накрыл её шерстяным пледом и только потом хлопнул в ладоши:

– Айвор! Есть работа, спустись, пожалуйста.

– Иду, иду, – глухо проворчали откуда-то сверху, и вскоре явился компаньон собственной персоной, одетый на домашний манер – серая рубашка и безупречно зелёные брюки и жилет. Киллиан незаметно перевёл дух – к счастью, ничего экстраординарного, вроде меховых накидок или старомодных дублетов. – А, ты всё-таки решил поработать? – оживился Айвор, увидев незнакомцев в гостиной. – Приветствую, приветствую, добро пожаловать…

– Не жди, что я один буду отдуваться, – предупредил вполголоса Киллиан и обернулся к Томасу: – Это мой компаньон. Он несколько эксцентричен, как видите, однако обладает удивительными способностями, которые не замедлит сейчас продемонстрировать… Айвор, не подскажешь, что случилось с этой юной леди?

– С юной леди? – заинтересованно вытянул шею Айвор и чуть не облизнулся, как кот: – Вот красавица! И в мужском сюртуке, что интересно. Ну-ка, взглянем поближе… Холмы и Корона! – вскрикнул он вдруг и отскочил с неожиданной прытью. Киллиан и глазом моргнуть не успел, как непутёвый компаньон исчез, зато на комоде появился огромный кот, чёрный и

зеленоглазый. Кот шипел, выгибал спину и так яростно мёл хвостом, что шатался даже чугунный подсвечник.

– Э-э… Айвор? – осторожно предположил Киллиан, раздумывая, не сбежит ли Томас после всего этого вместе с эфемерными двадцатью фунтами вознаграждения. – Это ведь ты?

Кот чихнул и успокоился.

– Я, конечно. И что ты суетишься, словно раньше ничего подобного не видел? – ворчливо откликнулся он, усаживаясь и оборачивая пушистый хвост вокруг лап. – Тьфу, чуть не попался. Флаэрти, забери у неё эту вонючую гадость и выкинь подальше, и тогда уже поговорим.

– Какую ещё гадость? – терпеливо переспросил Киллиан и, не имея не малейшего желания обыскивать девушку с головы до ног, уточнил: – И откуда забрать?

– Оттуда, – царственно ответил кот и совершенно по-человечески махнул от себя лапой, как манерная барышня. – Из верхнего кармана сюртука, разумеется. Странно, как я издалека ещё не почуял эту вонь… – и он прикрыл нос лапой.

Киллиан вздохнул. Делать было нечего.

– Сэр, вы позволите?..

Он осторожно подвинул в сторону Томаса, замершего с открытым ртом, и склонился над девушкой. Та едва дышала и была страшно бледна. Отвернув плед, Киллиан запустил руку в верхний карман сюртука и почти сразу наткнулся на что-то странное. Потянул наружу – и с удивлением увидел небольшую кисть желтовато-белых цветов.

– И что это?

– Рябина, – прогнусавил кот. – Давай, выброси её. Только подальше, не за порог – за ограду, а то Нив споткнётся, когда будет двор мести.

Пока Киллиан относил злосчастный цветок, Айвор успел не только перекинуться обратно, но и осмотреть девушку. Судя по пунцовым щекам Томаса, целомудренным похлопыванием по сюртуку дело не обошлось.

– Редкая штучка! – радостно возвестил Айвор, стоило Киллиану переступить порог гостиной. – Ты знаешь, кого к нам занесло? Самую настоящую вилью! Их чаще встречают на востоке, в Московии, а здесь эти прелестные создания практически не известны. Но тебе повезло, мой любезный друг – я как-то знал одну милую вилью. Правда, она была с крыльями, а у этой их кто-то уже успел отобрать.

Киллиан и Томас, не сговариваясь, уставились друг на друга.

– Так вот что у неё украли, – задумчиво подытожил Киллиан. – Да, похоже на правду.

– Осталось выяснить, при каких обстоятельствах это произошло, – довольно сощурился Айвор и переплёл пальцы замком. Чёрные когти, гладкие, как стекло, многозначительно блеснули в тёплом солнечном свете. – Кстати, прелестный мой друг, нет идей, кто мог бы подкинуть бедняжке в карман цветы рябины?

– Увы, я не присутствовал в участке с самого начала, – развёл руками Киллиан и задумался. – Впрочем, погоди… Одна цыганка всё время поглядывала на эту девицу. Мистер О'Доэрти, скажите, не подходила ли цыганка к вам незадолго до того, как девица упала в обморок?

Томас погрузился в размышления, почёсывая кончик носа, и через полминуты протянул неуверенно:

– Нет, кажется, нет. Она так и сидела в углу. Но вот что вспоминается… Когда я пытался объясниться с констеблем, кто-то протиснулся к двери и оттолкнул юную леди, – кивнул он на вилью. – И вот вскоре после этого она и лишилась чувств.

– А вы не могли бы описать того грубияна? – попросил Киллиан, чувствуя, как в груди закипает азарт. – Вспомните, пожалуйста.

– Гм… Не могу, – понурился Томас. – Он весь был какой-то… расплывчатый, да. Вроде бы и смотришь на него, а через мгновение лица не помнишь.

– Узелок на отвод глаз, – быстро произнес Айвор, не дожидаясь вопроса. – Карманники такое делают. Наверняка он и кинул рябину.

– А значит – узнал в девушке вилью, – подхватил Киллиан. – Может человек на глазок изобличить бескрылую?

– Нет, – решительно помотал головой Айвор. – Это у меня чутьё, а вы, люди, наверняка знать должны…

– Ну, я-то чувствую, когда фейри замешаны.

– Ты – существо особенное, Киллиан, – развеселился вдруг компаньон. – Даже и не представляешь, насколько. Ну, да ладно, не о том речь. Кстати, юноша Томас, я вас хочу огорчить – крылья у вильи воруют обычно для того, чтобы на ней жениться.

– Ой, – сказал Томас и побледнел так, что у него веснушки проступили.

Киллиан проглотил смешок.

– Не унывайте, мистер О'Доэрти. Вовсе не обязательно, что вилья разделяла марьяжные планы того неизвестного господина. Давайте дождёмся её пробуждения, и тогда уже решим, что делать.

– Я бы не советовал, – авторитетно заявил Айвор, присаживаясь на ручку кресла, в котором дремала бескрылая вилья. – Когда она проснётся, то может тут же убежать, чтобы найти свою пропажу. А похититель наверняка поблизости только того и ждёт. Не зря он за добычей в участок не побоялся зайти. Рискну предположить – в его планы входило, что милый юноша Томас, напуганный обмороком дамы сердца, выйдет на свежий воздух, дабы привести её в чувство… Вот тут-то злодей бы вилью и умыкнул.

Томас О'Доэрти совсем сник.

– И что вы предлагаете, сэр?

Айвор аристократично зевнул, прикрывая рот ладонью – словно заскучал.

– А вы заключите с моим любезным Киллианом надлежащий договор, и он найдёт вам похитителя до того, как бедняжка проснётся. Кстати, крылья ей возвращать не советую – оставьте себе и спрячьте в сундук, окованный холодным железом. Вот тогда эта красотка за вами хоть на край света, хоть под Холмы пойдёт, – подмигнул ему Айвор заговорщически.

Томас широко распахнул глаза.

– Но ведь это же… подло!

– Подло, не подло… – пробурчал Айвор, вытягивая из-за пазухи длинный свиток. – Вы, юноша, сначала договор подпишите, а потом уже рассуждайте. Наше дело маленькое – найти крылышки этой красавицы, а вы потом уже решайте, будете на ней жениться или нет… Да-да, ставьте подпись тут, тут и тут. В трёх экземплярах.

– А зачем так много? – робко поинтересовался Томас, макая перо в парящую в воздухе чернильницу. Руки у него слегка дрожали.

– Ну, как зачем? Вам, мне и моему очаровательному партнёру, – широко ухмыльнулся Айвор и хлопнул Киллиана по плечу. – Так… так… чудесно. Значит, двадцать фунтов, плата – по результатам. Киллиан, за работу! А я пока пригляжу за нашими клиентами, чтоб их, хихи, никто не украл.

– На пару слов, дорогой партнёр, – кисло улыбнулся Киллиан, предчувствуя неприятности, и потянул фейри за рукав.

Оставив окончательно сбитого с толку Томаса в компании спящей вильи и свежеподписанного договора, они перешли в соседнюю комнату, в библиотеку. Айвор тут же вывернулся из крепкой хватки и, поведя хрупким плечом, вспорхнул на один из книжных шкафов. Окна в библиотеке были закрыты на щеколду и задёрнуты плотными тёмно-зелёными шторами, а потому здесь царил сонный полумрак, как на дне заросшего ряской пруда. В кинжально узком солнечном луче, едва пробивавшемся сквозь щель в ставнях, парили золотые пылинки. Книги в разномастных переплётах, частью собранные хозяином дома, частью перевезённые Айвором

из старого поместья, хаотически громоздились на полках – переплетённые в кожу фолианты льнули к стопкам дешёвых бульварных романов о рыцарях и прекрасных дамах, трактаты по медицине и истории, обильно переложенные закладками, выпирали с края, едва не падая на пол, и тут же валялись книги заклинаний со слипшимися намертво страницами.

Айвор почти сразу сцапал одну такую, пристроил у себя на коленях и, поведя ладонью, легко раскрыл на нужном месте, поглядывая на партнёра сверху вниз.

– Ну? Говори, любезный мой друг, я жду. Какая блажь на сей раз зажгла в твоих прекрасных глазах огонёк недовольства?

– И не надоело паясничать? – риторически вопросил Киллиан и вздохнул. Фейри был неисправим. – Это я должен был сказать – «говори». Ты ведь что-то понял насчёт похитителя, но не хочешь делиться домыслами при мистере О'Доэрти?

Айвор отвёл взгляд и медленно закрыл книгу. Страницы вновь срослись намертво, словно залитые желтоватым клеем.

– Как сказать… Скорее, это предчувствие. Вильи, знаешь ли, не самые слабые духи. Они обитают у горных озёр и источников, на скалах, в глубоких расщелинах, порой даже носятся в небе с облаками. Чаще приносят благо – одаривают золотом, заботятся об урожае, врачуют раны, поют красивые песни, дурнушкам помогают прясть и ткать. Но безответным и беспомощным это племя не назовёшь. Вильи могут наслать болезни, увести воду от целого города, иссушить реку, сгубить урожай на корню. Они ревнивы до крайности и, увидев красивую девицу, могут позавидовать и наслать на неё хворь или увечье просто так. А уж с напавшим человеком вилья справится, и глазом не моргнув… И это значит одно – тот, кто украл у нашей гостьи крылья, хороший колдун.

Киллиан досадливо прикусил губу.

– Так и знал, что дядюшка подкинет гнилое дельце! Думаешь, с колдуном мне лучше не связываться?

– Почему же. – Айвор задумчиво сощурил чёрные глаза. У тебя тоже есть колдун в личном владении, и он стоит дюжины человеческих искусников. Да, да, не моргай так недоверчиво, я о себе говорю. Другое дело, что идти против такого противника, не подумав хорошенько, чревато дурными последствиями. Поэтому я хочу, чтоб ты сперва навестил одну мою знакомую и расспросил её кое о чём.

– От твоих знакомых больше неприятностей, чем пользы, – хмыкнул Киллиан. – К тому же они, как правило, не рады о тебе слышать… Хорошо, схожу, и не сверкай глазами, я тебя всё равно не боюсь. Что именно спросить у этой твоей подружки?

– Спроси, не видела ли она новеньких на Полынной улице, – сказал Айвор, поглаживая корешок колдовской книги. – И не мелькал ли там человек с сагарисом.

– С чем?

– С боевым топором, что используют воины с Востока и некоторые жрецы, – туманно пояснил фейри. – Но тебе такие подробности знать ни к чему, а моя дорогая Морин поймёт и так… И, что ли, надёргай ей в саду нарциссов, отдай букет и… э-э… В общем, скажи, что я прошу прощения.

Киллиан подавил тяжёлый вздох.

– Полагаю, спрашивать, чем ты так её обидел, бесполезно?

– Не бесполезно. – Взгляд у Айвора забегал. – Но несколько нетактично. Иди, мой мальчик, и не слишком задерживайся. Если Морин расскажет тебе что-нибудь полезное – а она всегда знает уйму полезных вещей – мы отправимся охотиться на этого колдуна уже вдвоём. Ради счастливого воссоединения возлюбленных.

– Ради двадцати фунтов.

– Ты отвратительно прагматичен для своего возраста, – приуныл Айвор. Киллиан только плечами пожал.

«Побудешь тут романтичным, с таким-то транжирой на шее».

Перед тем, как уйти, Киллиан подозвал Нив и попросил её приглядеть за клиентами. Служанка поворчала, но согласилась, только попросила по дороге домой заглянуть в пекарню Мак-Кормака и купить пшеничного хлеба.

Киллиан пообещал и поспешил сбежать, пока других дел не поручили.

Полынная улица была одновременно местечком известным, но не слишком людным. Она утопала в ложбинке между двумя холмами – между вполне респектабельным кварталом и трущобами, прилегающими к шерстяной фабрике. Поговаривали, что в прежние времена все дороги Дублина уводили на Полынную улицу, но чем дальше, тем прочней становилась дурная слава, гуще зарастали пустыри вереском, брошенные дома – плющом, и вот в один прекрасный день выяснилось, что теперь далеко не каждый человек может попасть сюда. Лишь тот, кто знался с «добрыми соседями», танцевал на клеверных лугах, имел долю древней крови в жилах или отчаянно нуждался в колдовстве, мог пройти на Полынную улицу.

Здесь торговали чудесами – вразвес и поштучно.

Прежде Киллиан уже несколько раз заглядывал сюда, но всегда в сопровождении Айвора и ночью… а вот днём видел это прелюбопытное местечко в первый раз.

На первый взгляд оно ничем не отличалась от бесчисленных базаров и рынков Дублина. Прилавки, уличные разносчики, торговцы чаем, пирожками, кресс-салатом и печёным картофелем, женщины с необъятными корзинами для покупок, дети, собаки, уличные воришки, разносчики газет… Но, если приглядеться, можно было заметить прячущиеся в тёмных нишах ступени, ведущие отнюдь не в аккуратные лавки, вроде магазина писчих принадлежностей на Конном проспекте, а в мрачные заведения, где окна густо затягивал ядовитый плющ, а на витринах встречались жутковатые диковинки, вроде чумного дыхания в склянке из мутного стекла или черепа карлика-циркача.

По заверениям Айвора, Морин обитала в одной из таких особенных лавочек, попасть куда без приглашения или острой нужды было невозможно.

– Так-так, – пробормотал Киллиан, застыв в самом начале улицы. – Значит, недалеко от покосившегося дома с проваленной крышей, у порога растёт куст жимолости, а на двери приколоты ягоды остролиста… О, вот и нужное место!

По ступеням, почерневшим и шатким, Киллиан поднимался с осторожностью. Толкая дверь, украшенную алыми, словно только что сорванными ягодами, он ожидал, что из лавки повеет сыростью и гнилью, и сильно удивился, почуяв густой запах копчёностей, как в колбасном ряду.

– Кого-кого занёс южный ветер, недобрый ветер? – проскрипел из темноты голос, подходящий высохшей от времени старухе или ожившему тележному колесу. – Ну-ка, отзовись, назовись да покажись!

Киллиан хотел было громко представиться, но вспомнил советы Айвора и вовремя прикусил язык. Называть своё имя колдунам и фейри – худшая глупость, которую можно натворить.

– Я, э-э-м, от Айвора. Он извиняется и шлёт букет нарциссов, – выпалил Киллиан на одном дыхании и приготовился бежать, пригибаясь и петляя, если что не так пойдёт.

Но нарциссы, видимо, смягчили гнев хозяйки дома.

– Ах, паршивец, помнит, что мне любо, – мечтательно проскрипел голос и дотошно уточнил: – А он сильно извиняется, от души?

– Да какая ж у фейри душа, – пожал плечами Киллиан и добавил: – Но не врёт, кажется, правда сожалеет.

– И смертных мальчишек с извиненьями посылает? Вот ведь трус, – причмокнули в темноте. – Ладно, ступай ближе и давай мне цветы. Посчитаем, что простила я этого обалдуя. А больше ничего не передавал, цветочки только?

– Ещё вопрос передавал.

В темноте фыркнули.

– Кто б сомневался.

Киллиан осторожно подошел ближе, ожидая увидеть в любой момент старуху, карлицу или какую-нибудь фейри-полукровку с ослиной головой… и, когда разглядел хозяйку, не сумел не сдержать изумлённого возгласа.

– О… Вы… Морин?

– Она самая, кто ж ещё, – белозубо улыбнулась девица в тёмном вдовьем платье, сидевшая за прядильным станком. Косы у неё тоже были черны, как ночь, и обвивались вокруг головы царским венцом. На щеках от улыбки играли ямочки, как у пастушки с пасторальной картинки. И лишь одно портило впечатление – жуткий багровый шрам на шее, похожий на след от верёвки у висельника. – Что стоишь, иди сюда. Или спужался?

– Нет, – не моргнув глазом, соврал Киллиан. – Я просто наповал сражён вашей красотой. Мои комплименты, прекрасная леди…

Морин рассмеялась, слегка запрокидывая голову.

– Ай, льстец! Ну, считай, задобрил. Чего там от меня ему надо?

Передав куцый букетик хозяйке, Киллиан осторожно произнёс:

– Айвор хотел бы знать, не встречались ли вам недавно новые лица на Полынной улице. И люди с этим, как его… с сагарисом.

Морин, принимая цветы, привстала из-за станка и оперлась на прилавок.

– Чужаков, значит, ищет… Да ещё с сагарисом… И для чего, коли не секрет?

Здравый смысл подсказывал, что Морин лучше не лгать. Но и правду Киллиану говорить не хотелось, а потому он ответил уклончиво:

– Поговорить, наверно. Для начала. Кто-то что-то украл у кого-то, а нам теперь это где-то искать надо.

Морин прыснула смехом.

– Вот, значит, как? А что мне будет за то, что я видела?

Киллиан потупился, уткнувшись взглядом в неметёный дощатый пол.

– Гм… Вас поддержит то, что вы поспособствуете торжеству добра?

– Вот ещё, глупость какая, – возмутилась Морин и взмахнула букетом. – Пусть придёт ко мне, сам, как в старые времена.

– Я ему передам, – смиренно пообещал Киллиан.

Воцарилось долгое молчание. Никто не хотел заговаривать первым, потому что либо Киллиан должен был уступить и распрощаться, обещая привести Айвора к обиженной торговке, либо Морин – сдаться и рассказать, что знает, вперёд платы.

Киллиан тяжко вздохнул.

Морин крутанула колесо прялки.

Киллиан переступил с ноги на ногу.

Морин передёрнула плечами.

Киллиан уставился ей в глаза.

Морин фыркнула.

Киллиан взъерошил волосы пятернёй и застенчиво улыбнулся.

Морин зарделась и отвела взгляд.

– Ну, ладно… Так уж и быть. Тем более что мне тот негодяй тоже насолил, сил нет терпеть. Да, появился один чужак три дня назад. Ходил всё по лавкам да выспрашивал, не видели ли мы девицу-красавицу, босую да в одной рубашке. Я у него перед носом дверь захлопнула, так он меня обложил, да ещё не по-нашему. И тем же вечером гроза разыгралась, молнией ударило так, что флюгер расплавился. Кабы у меня под стрехой лавровая ветка не лежала – знать, и весь дом бы сгорел… Не иначе, как чужак наворожил. И был он высок, хром на левую ногу,

одет в балахон какой-то – не поймёшь, то ли женская рубаха, то ли кафтан до полу, а к поясу у него приторочен был махонький топорик. Топорище дубовое, а сам топор серебряный, обоюдоострый. Таким ни дров не наколешь, и в битве доспех не прорубишь. Такой топор – родня серпу золотому, – загадочно произнесла Морин. – А пахло от чужака дымом да речной тиной.

В наступившей тишине шелест колеса прялки слышался удивительно отчётливо. Киллиан с опозданием заметил, что ни кудели, ни спрядённой нити не было, как не было и ни одного товара на прилавке.

– Гхм… Благодарю вас за помощь, Морин. Вашу просьбу я Айвору передам и прослежу, чтоб он не отмахнулся от неё… насколько это в моих силах, конечно.

– Проследи, – благосклонно кивнула она. – Коли выйдет у тебя что – глядишь, и уважать начну.

– Это будет честью для меня, – заверил её Киллиан. – До встречи, мэм!

Морин только махнула рукой и села обратно к прялке. Уже стоя на пороге, Киллиан оглянулся и решился спросить:

– Простите мне любопытство, мэм… Но чем торгуют в вашей лавке?

В ответ на простой вопрос Морин рассмеялась – точно тележное колесо проскрипело.

– А о том тебе рано знать, Киллиан, сын Гэвина. Слишком юн и чист ещё. Ступай, пока я не передумала.

Киллиан вспомнил, что до сих пор не называл Морин своего имени – и выскочил из лавки, как пробка из бутылки с игристым вином. Несмотря на тёплую погодку и яркое майское солнышко, его бил озноб.

«Дорогой партнёр, не мог бы ты в следующий раз ссориться с менее опасными колдуньями? Это было бы так любезно с твоей стороны!»

Мысленно истекая сарказмом, Киллиан возвращался по шумным улицам – мимо скрипучих кэбов, напоминающих о голосе Морин, мимо жмущихся друг к другу домов с высокими окнами, обгоняя неторопливо совершающих моцион дам в пышных платьях и умопомрачительных шляпках, уступая дорогу посыльным и навязчивым лоточникам… Увязнув в невесёлых раздумьях, он едва не проскочил лавку МакКормака. Расплатившись за хлеб мелкой монеткой, Киллиан свернул в проулок и отправился домой короткой дорогой.

Айвор обнаружился прямо в саду, в ветвях старой яблони. Разумеется, недовольный и с книгой в руках.

– Она проснулась, – сообщил он с ходу. – Вилья. И я ей не понравился.

– Ты её обидел? – забеспокоился Киллиан.

– Ещё чего, – фыркнул Айвор и спрыгнул с дерева. – Нет, она просто позавидовала моей красоте. Ты разузнал что-нибудь полезное?

– Как сказать… – задумался Киллиан. – Во-первых, Морин просила передать, чтоб ты к ней зашёл.

Айвор насторожился.

– Она сильно злилась?

– Не очень, – подумав, ответил Киллиан. – Скучала, скорее. Учти, я за тебя поручился, и только поэтому она мне кое-что рассказала. Так что не вздумай увиливать.

Фейри испустил тяжкий вздох и угрюмо пообещал:

– Не буду. Заглянуть, что ли, в пятницу вечером… Впрочем, это к делу не относится, – махнул он царственно рукой. – Так что рассказала Морин?

– К ней наведался один чужак. Ходил по Полынной улице, расспрашивал всех о девушке в одной рубахе… Думаю, искал нашу гостью. С Морин он характерами не сошёлся…

– Ха-ха, хотел бы я посмотреть на того, кто сумел бы! Наверно, только если какой-нибудь ангел с терпением безграничным, как северное небо!

Киллиан скромно опустил взгляд.

– Может быть. Так или иначе, они повздорили, чужак её обругал, а ночью разразилась гроза, и у Морин молнией расплавило флюгер.

– Молнией? – обрадовался Айвор неизвестно чему. – Это очень, очень хорошо. Продолжай.

– Ещё она сказала, что от чужака пахло тиной и дымом. И у него был серебряный топорик, э-э… «родня серпу золотому».

– Значит, она поняла. Какая умница! – восхитился Айвор. – Нет, определённо, стоит её навестить, люблю умных женщин, даже если они убить меня норовят… э-э-м… Это так, к слову. Значит, моя теория подтвердилась. Сейчас я поговорю с Нив и дам ей кое-какие указания, а потом мы запрём дом и отправимся на поиски нашего колдуна. Точнее сказать, он не совсем колдун, – нахмурился Айвор. – Впрочем, справлюсь. Главное, подкрасться незаметно и выкрасть крылышки вильи.

– Кстати, – спохватился Киллиан. – Давно хочу узнать, а как вообще-то можно стащить крылья? Отпилить во сне, что ли?

– Ну что ты глупости лопочешь, – отмахнулся Айвор. – Нет, разумеется. Вильи сами снимают крылья, когда хотят побродить среди людей, и прячут их где-нибудь под камнем или в горной расщелине. Или просто на берегу оставляют, если присоединяются к купальщикам в майскую колдовскую ночь… Гм, об этом тебе рано знать, мой очаровательный друг, – рассмеялся Айвор и потрепал Киллиана по волосам. – Вернёмся лучше в гостиную. Всё же за клиентами нужно приглядывать, чтоб не сбежали.

– От Нив? – развеселился Киллиан. Айвор понял, что глупость сказал, и тоже улыбнулся.

Нив была полукровкой.

Два года назад, ещё в бытность Киллиана констеблем, Айвор притащил её прямо в мансарду, которую они снимали. Девушка истекала кровью – глубокие, резаные раны, которые напугали бы даже опытного доктора.

Но не фейри-колдуна.

Айвор вылечил её, вытащил из почти-смерти, научил заново ходить, не бояться громких звуков и не скалиться на людей. Киллиан в это время юлил перед квартирным хозяином, старательно убеждая его, что никакой странной девушки в мансарде нет – мол, сплетни соседей, досужие домыслы. Он надеялся, что Нив, как отправится, уйдёт своим путём… А она взяла и осталась.

Позже, намного позже, когда Нив начала не только испытывать к своим спасителям благодарность, но и доверять им, она рассказала, кто и за что её так отделал. Оказалось, что Нив была наполовину келпи и большую часть жизни провела в реке, с отцом, лишь изредка выходя на берег в обличии сребровласой девицы в зелёном платье наизнанку. И в одну из летних ночей она встретила юношу… К несчастью, истории любви не получилось. Узнав, что его невеста – келпи, юноша почувствовал себя изрядно оскорблённым.

Спасаясь от его друзей, вышедших с косами, вилами и топорами, Нив перекинулась и попыталась ускакать обратно, в реку. Да не рассчитала, что жених подстережёт её у самого берега и встретить не словами любви, а холодным железом. Раненная, она обратилась вновь в девицу и упала в воду; река унесла её далеко от деревни, к окраинам Дублина, прямо в руки почуявшему беду Айвору.

– Не то, чтоб я их винила, – ворчала Нив, хмуря серебристые брови. – У наших слава дурная – ой, не говори. Папаня мой, вон, сколько народу перетопил – страсть. Но коль встречу своего Дика – пускай пощады не ждёт, получит от меня в лоб копытом.

В этом была вся Нив – не злая, но серьёзная, справедливая и с долгой не по-человечьи памятью.

Вот и сейчас она хлопотала вокруг гостей, словно ничего важней сейчас и не было.

– А не холодно тебе? А пить не хочешь? А по-нашему не понимаешь ничего? Ух ты, бедняжечка… на, скушай кренделёк, сла-а-аденький. Вкусно? Вот и славно, вот и хорошо!

Зелёное платье, надетое швами наружу, всклокоченные серебряные волосы – к людским обычаям Нив привыкнуть так и не смогла.

– Мистер О'Доэрти, хочу вас обрадовать – я напал на след вора, – заявил сходу Киллиан, переступая порог. Понурившийся было Томас обрадованно вскинул подбородок. – Есть надежда, что мы найдём его до вечера… Добрый день, мэм, – поздоровался он с вильей. Та настороженно замерла, стягивая на груди великоватое зелёное платье, видимо, отданное Нив.

– Она не понимает ни ирландского, ни английского языка, – деликатно напомнил Айвор и выступил вперёд. Вилья зыркнула на него голубыми глазищами, точно на врага. – Позвольте мне?.. – и он заговорил на отрывистом, но довольно мелодичном наречии.

Вилья оживилась и начала отвечать, позабыв даже про надкусанный крендель. Через несколько минут Айвор улыбнулся, подмигнул ей и повернулся к Томасу.

– Счастлив обрадовать вас, юноша. Эта прелестница отнюдь не против выйти за вас… но при одном условии.

Томас подобрался и сглотнул.

– Я слушаю.

– О, ничего особенного, – повёл рукою Айвор, и глаза у него стали лукавые. – Вы всего лишь должны похвалить её ноги, когда она вернёт крылья.

– Да я готов хоть сейчас это сделать! – воодушевился Томас, но Айвор рассмеялся:

– Нет-нет, сейчас не пойдёт. Вот когда вернёт она свои пёрышки, тогда и похвалите. А пока сидите тут, чтоб из гостиной ни шагу. Нив, чужаков домой не пускай, если что – разрешаю бить копытом в лоб.

– Как скажете, – зубасто улыбнулась Нив. Глаза у неё полыхнули травяной зеленью. – Копытом – это я завсегда рада… Ой, а вот и хлебушек! – обрадовалась она, увидев свёрток в руках у Киллиана. – Вот и славно, будет нам к обеду свежий хлеб. Ступайте, ступайте, пригляжу я за домом – чай, не впервой.

Очутившись на улице, Айвор запрокинул голову к ясному небу, принюхался, раздувая ноздри, и довольно улыбнулся:

– Прекрасно. Ни облачка. Это очень, очень на руку нам, дорогой друг. Вот если бы собиралась гроза – было бы очень скверно, – загадочно произнёс он и неторопливо направился вдоль улицы, вниз от площади.

– Постой, ты куда?

Киллиан нагнал его только через несколько секунд.

– Как – куда? – делано удивился Айвор. – Разумеется, в Дымный Лог. Туда, где хибарки угольщиков почти вплотную примыкают к речке Ивице. Там, на другой стороне запруды, есть несколько старых, пустующих домов… смекаешь?

– Чужак, – мгновенно догадался Киллиан. – Запах тины и дыма, пустые дома… Думаешь, мы найдём его там?

– Ну, если нет, у меня есть ещё пара мест в запасе, – беспечно пожал плечами Айвор. – Но пока тебя не было, я успел перекинуться словечком кое с кем из своих… Над Дымным Логом недавно молнии били. Аккурат два дня назад, – ухмыльнулся он. – Что-то мне подсказывает, что чужак там и прячется. Эй, эй, там, ну-ка, стойте! – махнул он рукой и, в два прыжка, лёгких, как танцевальные па, догнал проезжающий мимо пустой кэб и вскочил на ступеньку, цепляясь чёрными когтями за сиденье возницы. – Человек, довезёшь до Кирпичного тупика?

Лицо возницы, ноздреватое, как опара, побелело.

– П-подвезу. Садитесь, сэр, п-пожалуйста! Д-для вас – задаром!

– Обожаю вежливых людей! – весело объявил Айвор и подманил пальцем Киллиана.

Мысленно сочувствуя вознице, Киллиан вслед за партнёром залез в кэб. Щёлкнул кнут – и лошади бодро зацокали по мостовой, сперва неторопливым шагом, а затем быстрее и быстрее.

Путь к Кирпичному тупику лежал не по широким проспектам и зелёным аллеям, где раскатывали двухэтажные омнибусы и прогуливались респектабельные семейства, но по узким, извилистым и грязным переулкам. Расположенный в северной части города, вплотную прилегающий к портовым кварталам, этот район слыл пристанищем бедноты. Красильни, парафиновые и спичечные заводы, фабрики по производству костной муки и клея облепили берега речки так густо, что даже местный люд со временем переименовал её из Вилячки – близняшки чистой Ивицы – в Смердячку. Вода не замерзала даже в лютые зимы, цветом и запахом напоминала мочу, и говорили, что редкая птица могла долететь хотя бы до середины, не свалившись замертво от миазмов.

Чем дальше от Смердячки, тем благопристойнее становились виды. И вот уже в трёхстах метрах от берега можно было наблюдать ряды одинаковых домов, редко выше, чем в два этажа, но часто – с полуподвалом. Серо-коричневые стены из кирпича, густо прокопчённые дымом; раскоряченные деревья с жухлой листвой; промежутки между домами, заваленные хламом, хорошо, если не гниющим… Вместо собак, недостаточно хитрых и живучих, здесь обитали полудикие трущобные лисы – с потрёпанными шубками, но зато жилистые, проворные и умные.

Киллиану лисы нравились.

– Стой, стой, досюда хватит! – крикнул Айвор, высунувшись из кэба. Возница натянул вожжи и, когда лошади остановились, с облегчением утёр испарину со лба. – Прыгай, Киллиан. Что-то ты бледноват, мой любезный друг.

– Запах, – прогнусавил Киллиан, прижимая рукав к носу и рту. На голодный желудок от вони Кирпичного тупика мутило сильней, чем обычно. – Ну, и как отсюда идти в Дымный лог?

– Нужно перебраться через речку… Видишь вон то шаткое нечто, смутно напоминающее мостик? Вот именно там. А дальше срежем путь по-моему. Кстати, тебе платок не одолжить?

– Одолжить, – сдался Киллиан и протянул руку. Айвор торжественно вручил ему отрез серебристой ткани, больше напоминающий небольшой шарфик, и потрепал за ушами серую лошадку, впряжённую в кэб.

– Спасибо, добрый человек! – весело поблагодарил он возницу. – Пусть тебе сопутствует удача!

– Б-б-благодарствую! – проблеял возница и, нахлобучив кепи на самый лоб, начал разворачивать кэб, непрестанно понукая лошадь. Вислые усы его тряслись, как заячий хвост.

Дождавшись, пока улица опустеет, Киллиан поинтересовался у фейри:

– А ты правда наколдовал ему удачу или просто так пожелал?

– И того, и другого понемножку, – хмыкнул Айвор. – А тебе, я вижу, полегчало?

– Немного.

– «Немного»! – передразнил его фейри. – Между прочим, этот платок соткала моя родная сестра из инея на сосновых ветвях в рождественскую ночь. Так что гордись честью, оказанной тебе… То есть твоему носу.

По мосту Киллиан ступал осторожно, каждую секунду ожидая, что вот-вот рассохшееся дерево подломится, и он рухнет в зловонные жёлтые воды. Однако ему повезло – до берега он добрался без приключений. А уже там Айвор бесцеремонно ухватил его за руку и потащил напролом через какой-то запущенный сад, где ветви полузасохших деревьев больно хлестали по лицу, а трава цеплялась за ноги, точно силки. Киллиан некоторое время был сосредоточен только на том, чтобы не лишиться глаз, а когда смог обернуться, то обнаружил, что бедняцкие кварталы остались позади, а впереди расстилался Дымный лог – даже сейчас, в ясный день, затянутый желтоватой пеленой.

– Как думаешь, дорогой мой друг, – хлопнул Киллиана по плечу Айвор, – с чего нам начать? Наведаться к одной моей знакомой, которая может дать подсказку, или обшарить одну за другой все эти хибарки?

– Лучше – к знакомой, – обречённо выбрал Киллиан. – А в чём подвох?

– В том, что моя знакомая – корриган. А это значит, что приманкой будешь ты.

– И что я должен буду делать?

– Ничего особенного, – лукаво сверкнул улыбкой Айвор. – Всего лишь пройтись по бережку Ивицы и поискать змей. Или пауков.

Киллиан подавил вздох. То, что по мнению Айвора было «просто», на деле оказывалось обычно смертельно опасным.

Ивица, хоть и протекала недалеко от Смердячки, выглядела куда как чище. От воды пахло тиной, и только у самого берега, где скапливались нанесённые течением ветки и прочий мусор, слегка тянуло гнильцой. Дна видно не было, сколько ни вглядывайся в прозрачную черноту. Киллиан шёл вдоль кромки, время от времени оглядывая камни и лакуны между корней в поисках змей и пауков, но находил только жаб и лягушек. Потом он наткнулся на здоровенного усатого крысака, и неизвестно, кто испугался этой встречи больше.

В одном месте Ивица раздавалась вширь и делала крутой поворот; судя по цвету воды, там был омут. Киллиану померещилось, что в чёрной глубине что-то серебристо блеснуло. Убрав в карман платок Айвора, он присел на кромку и вгляделся…

…и тут же был схвачен за горло холодной когтистой рукой.

Киллиан вцепился в жухлую траву на берегу, уже понимая, что это бесполезно, но никто не думал утягивать его на дно. Рука сжалась сильнее, едва не перекрывая дыхание; в тёмной воде проступило сперва бледное пятно – и медленно превратилось в лицо. Пожалуй, даже красивое, пусть и не каждый бы согласился с этим: сильно вытянутый овал, заломленные брови зеленоватого цвета, глубоко посаженные глаза и маленький рот с пухлыми, как у капризного ребёнка, губами.

– …женись на мне, о, мальчик с глазами цвета мха!

Киллиан даже не сразу понял, что это к нему обращаются.

– Мне рано ещё жениться, – прохрипел он, пытаясь отползти от берега. Тщетно – когтистая рука держала крепко. – Я слишком мало повидал в этом мире… не испробовал его удовольствий… вообще почти никаких, спасибо компаньону…

– О, женись на мне, невинный мальчик, или ты заночуешь на дне омута! – пропела высоким голосом речная дева, выныривая из воды по пояс. Тонкая белая рубаха неприлично липла к её груди, и Киллиан почувствовал, что щёки у него начинают краснеть не только от удушья. – Женись, кому говорю!

– А я говорю, что я ещё слишком юн для этого! Я пожить хочу!

– Женись, или утоплю!

Дева потянула Киллиана вниз, и чёрная вода заколыхалась опасно близко от его лица. Он даже мог разглядеть теперь илистую взвесь и сгнившие до сеточки листья, медленно поднимающиеся со дна, и начал прощаться с жизнью, когда в двух шагах послышался скучающе-опасный голос:

– Так, так, так… И кто это пытается заграбастать себе мою собственность?

Речная дева, корриган, раскрыла рот. Бледные губы посинели.

– А он… твой? – осторожно уточнила она, подтягивая к себе Киллиана так, что он едва не уткнулся ей в грудь лицом. – Точно-точно твой?

– А ты не видишь метку, о жалкое подобие… жалкое подобие… неважно, чего, главное, что жалкое, – небрежно закруглил фразу Айвор. – Посмотри же, у него из кармана торчит платок с моей монограммой. Сотканный, между прочим, из рождественского инея моей родной сестрой.

Корриган понурилась и оттолкнула Киллиана так, что он проехался по берегу на заду, пока не упёрся спиной в ноги Айвора. Горло саднило от крепкой хватки.

– Ну… – пробормотала речная дева, разглядывая свои коготки. – Извиняюсь. Пойду женю на себе кого-нибудь ещё.

Сказала – и попыталась нырнуть в омут.

Только попыталась, потому что Айвор оказался быстрей. Он проворно вытянул у Киллиана платок из кармана и, махнув серебристой тканью, коснулся ею поверхности воды. Реку на несколько метров вширь сковало толстым, в ладонь, панцирем льда. Корриган оказалась пойманной в ловушку – по шею.

Айвор неспешно выпрямился и скрестил руки на груди.

– Так-так, дорогая, неужели ты надеялась улизнуть без должных извинений?

Корриган пристыженно потупилась, шмыгая носом. Киллиан её почти пожалел.

– Чего хочешь, о Тис-Хранитель?

– Послужи мне немного, – небрежно произнёс Айвор, взмахивая платком. – Я тут ищу одного интересного чужака… Он точно бывал в ваших краях. Высок ростом, не стар, за поясом носит небольшой топорик с серебряным лезвием…

Не дослушав его, корриган запрокинула к небу лицо – и взвыла по-собачьи, и столько было ненависти и ярости в этом вое, что Киллиан невольно вцепился в штанину Айвора.

– У-у-у, мер-р-рзкая тварь! – прошипела корриган, обнажая в оскале мелкие, сероватые, но острые зубы. – О, нечистый убийца, охотник за серебряной кровью! Убийца сестры моей, призыватель молний! Ар-ра-р-р-ррау…

Айвор спокойно переждал её леденящие душу завывания, кончиками пальцев поглаживая Киллиана по волосам, и только потом спокойно произнёс:

– Вижу, что ты с ним уже повстречалась. Не укажешь на его обиталище?

Корриган умолкла и уставилась на него круглыми глазищами.

– Ты его убьёшь?

– Топор сломаю, – туманно пообещал Айвор.

Речная дева оскалилась.

– Деревянный дом у старой рябины. Ищи его там.

Айвор проследил за её взглядом и кивнул.

– Хорошо. Ты свободна.

Ледок на реке тут же покрылся сетью мелких, но быстро ширящихся трещин. Корриган запрокинула голову назад, обнажая горло, прошипела что-то – и нырнула, обдав напоследок стоящих на берегу целым облаком брызг.

– Как всегда, – брезгливо сморщил нос Айвор. – Никаких манер. Впрочем, все корриган таковы – пытаются женить на себе силой и болтают глупости, но в одном им не откажешь. В благоразумии. Смотри-ка, этот колдун страшно оскорбил всю реку, убив одну из сестёр, но другие не пытаются ему мстить. Знаешь, почему?

Киллиан поднялся на ноги, пытаясь отряхнуть брюки от липкой грязи. Тщетно – глина, кажется, въелась в ткань.

– Гм… потому что он намного сильнее?

– В яблочко, мой хороший. А знаешь, что ещё скверно? Он выбрал дом у рябины. Значит, знает, с кем ему придётся дело иметь. И наверняка заготовил сюрпризы для таких, как я.

– Ну, на меня-то рябина не действует, – мрачно напомнил Киллиан, жалея, что не захватил из дома револьвер. – Кстати, а почему корриган назвала тебя «Тис-Хранитель»? Не в первый раз уже слышу это имя.

– Долгая и никому не интересная история, – отмахнулся Айвор. – У нас других забот полно. Если меня не обманывает чувство пространства, то искомый дом находится примерно

вон там. И я даже не знаю, чего хочу больше – застать колдуна на месте или наткнуться на пустое жилище.

Дом у старой рябины Киллиан заметил издалека – он выделялся, как самый гнилой зуб во рту у нищего. Метров за тридцать до него Айвор сперва замедлил шаг, а затем и вовсе остановился.

– Дальше не могу. Мутит, – сознался он, распуская шнуровку на рубашке. – Ты-то не видишь, а для меня тут всё такой гарью дышит…

– Рябина?

– Хуже, – ответил Айвор, сузив глаза. – Но в доме никого, похоже, нет. Ступай и осмотрись там, но далеко вглубь не заходи. Если почувствуешь дурноту или увидишь идолище, кости или большое дубовое бревно – тут же возвращайся обратно и жди меня здесь. Если совсем будет плохо или кто-то станет тебя преследовать, а меня рядом не окажется – беги к Ивице, к омуту, сунь руку в воду и позови корриган. Попроси, чтоб она тебя на дне от грозы спрятала, именно такими словами. Она не откажет. Ну, ступай.

– А ты?

Киллиану стало не по себе. Таким собранным и мрачным он трусоватого Айвора не видел давно.

– А я найду пока кое-что нужное, поспрашиваю по окрестным домам, – загадочно ответил фейри и, поведя плечом, исчез.

Киллиан посмотрел на покосившуюся хибару у древней, поникшей рябины и, вытащив из-за голенища сапога нож, осторожно направился к ней.

Чем ближе он подходил, тем труднее дышалось. И дело было не в зловонии, как в Кирпичном тупике, на берегу Смердячки. Казалось, сам воздух здесь сгустился, стал похожим на сухую, карябающую горло взвесь, вроде измельчённой пемзы. Подмётки сапог точно превратились в две свинцовые наковальни, а нож тянул руку к земле, как мельничный жёрнов.

Дверь хибары оказалась не заперта.

Внутри была всего одна комната. Ни лежанки, ни какого-либо подобия постели Киллиан не увидел. В крыше зияла огромная дыра, через которую лился мутный, словно в пасмурный день, солнечный свет. А прямо под дырой лежало бревно – точнее, половина бревна в тёмных подтёках.

Сильно воняло гнилым мясом.

«И во что же меня втравил дорогой дядюшка О'Рейли?»

Чувствуя, как горлу подкатывает тошнота, Киллиан пробкой выскочил из дома и на заплетающихся ногах побежал к месту встречи с Айвором. Фейри, разумеется, ещё не вернулся, но вдали от жуткого бревна дурнота стала понемногу проходить. К тому времени, как из зарослей вереска беззвучно выступил Айвор, неся на плече мешок с чем-то булькающим и звякающим, Киллиан почти пришёл в себя – от дурного самочувствия осталась только глухая, душащая тоска.

– Налюбовался? – спросил фейри, глядя на сидящего прямо на земле компаньона.

– Там было бревно, – не отвечая на шпильку, сказал Киллиан. – И, кажется, оно в крови. Хотя я ошибаться могу.

– Ты не ошибся, – спокойно подтвердил Айвор. – А это значит, что у меня есть только один выход… Знаешь, что в этом мешке?

– Нет. И не хочу.

– А придётся. Тут бутыли с маслом и керосином, собранные по всем окрестным домам. Брауни помогли мне – они тоже недовольны таким соседством, – кивнул Айвор на дом у рябины. Киллиан поднял голову:

– Хочешь сжечь дом?

– Умный мальчик. Нет-нет, сиди, ещё чего тебе не хватало – становиться святотатцем, пусть и оскверняя алтарь чужеземного божества… Будто бы оно виновато, что жрец у него с гнильцой оказался. Справимся по-другому.

– И как? – мрачно поинтересовался Киллиан.

Айвор плутовски ухмыльнулся.

– Раз я не могу подойти, а тебе это делать опасно – попросим птичек. С бессловесной твари какой спрос?

И, подмигнув Киллиану, он сунул руку за пазуху и достал маленький свисток из тростника – вроде тех, что делают деревенские мальчишки.

Киллиан звука не услышал. Зато услышали птицы. Они начали слетаться отовсюду – так, что небо даже на мгновение почернело от крыльев.

– Вороны?

– Абсолютно верно, мой смышлёный друг, – подтвердил Айвор, убирая свисток за пазуху. – А теперь молчи и наблюдай.

Айвор подманивал то одного ворона, то другого; каждому он вручал по откупоренной бутыли или фляге с маслом или керосином, шептал пару слов – и отпускал. Птицы, покружив немного со своей ношей над домом, так перехватывали когтями бутыли, что содержимое начинало медленно выливаться, а потом – бросали их и улетали. И так – раз за разом, пока мешок Айвора не опустел.

– Почти закончили, – пробубнил себе под нос фейри и, расправив мешок, вручил его двум воронам. Один край свободно болтался; Айвор откинул с лица спутанные пряди волос – и подул.

Край грязной мешковины вспыхнул, словно сухая бумага.

– Ну, ну, летите! – замахал Айвор руками, подгоняя птиц. Те поднялись в воздух, каркая, как показалось Киллиану, со злорадством, и полетели к проклятому дому.

…когда пылающая мешковина коснулась крыши, та вспыхнула серной спичкой.

– Вот и всё, – довольно упёр Айвор руки в бока. – А теперь – бежим отсюда, пока нас не застали хозяева. Надеюсь, огонь не перекинется на другие хибары…

Так быстро Киллиан не бегал уже давно. И снова по лицу хлестали ветки, и снова проскальзывала под ногами земля, а Айвор тянул его за руку, понукая, что ту лошадку, и хохоча. Вернуться домой, даже тропами фейри, они не успели – полил дождь.

Да ещё какой – с молниями и громом!

– Врёшь, не возьмёшь, – веселился Айвор, запрокидывая к небу лицо. Черты его заострились, и он напоминал теперь уже обликом не человека, а духа грозы, что проносится в грохочущей колеснице по низким облакам. Волосы развевались тёмным шёлковым плащом, точно дождь проходил сквозь них, не задевая. – Масло зачарованное! Слышишь, ты? Зачарованное! – кричал он и снова хохотал.

Киллиану было и жутко, и весело одновременно, как в детстве, когда Айвор ещё брал его с собой зимою кататься верхом на лисах.

На угол Рыночной площади они выскочили аккурат в то мгновение, когда часы в башне стали бить пять вечера. Люди, застигнутые внезапным дождём, разбегались, кто куда, и протяжно лаяли потревоженные собаки.

Айвор остановился так резко, что Киллиан чуть руку не вывихнул.

– Это плохо. Это очень, очень плохо… – пробормотал он. Волосы и одежда у него начали промокать и липнуть к телу.

– Что… плохо?.. – задыхаясь, спросил Киллиан. В боку у него кололо, горло словно крючьями раздирало от долгого бега.

– Кто-то разбил мой знак на калитке. Идём скорей, Нив может не справиться.

Уже подбегая к дому, Киллиан услышал заполошное ржание, женский крик… потом вдруг сверкнула ослепительно бело-синяя молния, оглушающе прогремел гром – и дождь начал стихать. Во дворик Киллиан влетел, уже не заботясь о сохранности примул и наперстянки – да так и замер, заворожённый дивной картиной.

Перед порогом гарцевала громадная чёрная лошадь с пылающими, точно уголья, глазами. За ушами у неё росли бычьи рога, а копыта были размером с детскую голову. В дверном проёме застыли, прижимаясь друг к другу, Томас в изрядно подпорченном костюме, и вилья, на лице у которой ужас мешался с гневом в такой пропорции, что черты становились уродливыми.

Завидев Киллиана, чудовищная лошадь топнула, склонила голову – и кувырнулась вперёд, вставая на ноги уже сребровласой девушкой в зелёном платье наизнанку.

– Вот, это, – вздохнула Нив покаянно. – Вы ж разрешили – копытом в лоб. Не рассчитала я, скопытился он…

Айвор осторожно выглянул из-за плеча компаньона и повеселел:

– Мёртв. Мертвей некуда. Умница, Нив!

– Да уж чего там, – смущённо пробормотала она, вытирая нос подолом платья.

– Что ж, тогда пройдёмте обратно в дом, – довольно потёр руки Айвор. – Ну-с, дорогие мои, обсудим договор… А на труп внимания не обращайте, что-то мне подсказывает, что пока мы будем с вами разговаривать, крыски и мышки его растащат по косточкам. – Он покосился на стремительно светлеющее небо. – И вороны. Ах, да, чуть не забыл…

Склонившись над телом чужака в балахоне – мужчины могучего телосложения, со светлыми волосами, перехваченными обручем – Айвор вытянул у него из-за пояса топор и легко, точно прутик, переломил о колено. Лезвие тут же потемнело и рассыпалось прахом, а дубовая рукоять обуглилась.

– Тьфу, руки потом мыть, – проворчал Айвор и замолк, заметив что-то ещё. – Так, вы ступайте, а я догоню. Нив, сделай чаю. Сладкого и со сливками.

– Как прикажете, – неловко сделала книксен Нив и, подхватив под локоть вилью, увлекла её за собой. За вильей инстинктивно потянулся и Томас О'Доэрти, а последним ушёл Киллиан, оставляя компаньона наедине с трупом.

«А также крысами, мышами и воронами… Нет, не хочу об этом думать».

Сетуя на слишком живое воображение, Киллиан направился в гостиную.

К счастью, в доме было так тепло, что даже промокшим насквозь и продрогшим простуда не грозила. Нив сноровисто накрыла на стол, напевая себе под нос старинную песенку о глупом лорде, который неверен был своей жене, за что и поплатился. Томас сидел, точно палку проглотив, и бросал на вилью пламенные взгляды. Гостья же была рассеяна и не могла подолгу задержать взор ни на чём. За окном всё снова шумел дождь, слабея с каждой минутой, ветер раздувал занавески, пахло свежим хлебом и грибным супом – знать, обед был почти готов, когда появился чужак.

Айвор вернулся точно к чаю – сухой, с прибранными в хвост волосами и загадочно улыбающийся.

– Итак, приступим, – произнёс он, когда кружки в первый раз опустели, и Нив начала обходить стол, доливая каждому крепкого, красноватого чайного настоя. – Хочу вас обрадовать, юноша Томас. Вы, сами того не желая, вскрыли чудовищный нарыв на теле города… к счастью, удалить его не составило особого труда, – скромно опустил взгляд фейри. Нив горделиво фыркнула.

– Какой-какой нарыв? – слабым голосом переспросил Томас.

– Чудовищный, – смакуя интонацию, повторил Айвор.

Глаза у него блестели, что у кота, который греется у камина. – Выяснилось, что в прошлую луну в Дублин прибыл жрец одного весьма кровавого восточного божества грома и молний… Вообще-то божество это вполне может довольствоваться кровью петухов, быков и

прочей бессловесной живности, однако чужак был слишком амбициозен. Полагаю, именно поэтому он и вынужден был когда-то бежать из родных краёв – кровожадных безумцев нигде не любят, тем более в наше время, когда поезда с дирижаблями наступают колдовству на пятки.

– И что начал делать этот ваш жрец? – поинтересовался Томас, ёжась, как от холода.

– Он не мой, – дотошно уточнил Айвор. – Мой – Киллиан, а этот – кровожадного восточного божества грома и молний. Конечно, жрец стал творить зло. Начал, я думаю, с ворованных на базаре петухов. Потом, когда алтарь подрос, и над Дымным логом стали замечать молнии, жрец попробовал раздобыть жертву покрупнее… На человеческую женщину замахнуться не решился. Зачем, когда под рукой есть корриган, способная обратиться в девицу? Тем более выманить её мужчине – проще простого, нужно только прогуляться по бережку, демонстрируя свою стать. Но корриган всё же нечистое бессмертное существо. А вот вилья – уже другое дело. Вильи рождаются от росы или слепого дождя, в вилью может быть обращена красивая чистая девочка… И если у вильи отобрать крылья, она станет человеком. Красивым человеком, которого никто не хватится, даже если его разрубить на части на дубовом алтаре.

Киллиана пробрала дрожь. Не от голоса Айвора, хотя фейри умел нагнать жути загробными интонациями, а от того, какая яркая картинка предстала воображению. Мутный свет пасмурного дня, одурманенная рябиной вилья в холщовой рубахе – и серебряное лезвие, врубающееся в плоть.

«Морин сказала – топор, что родня золотому серпу. Золотым серпом друиды срезали священную омелу… но этот жрец иначе приносил жертвы».

– Получается, я спас её от смерти? – несколько воодушевился Томас, ощутив, что шансы его на взаимное чувство растут. – И она это знает?

– Знает, – сощурился Айвор. – Да только не торопи судьбу, юноша. Помнишь уговор?

– Про двадцать фунтов? Разумеется, хотя у меня нет такой суммы с собою, но чековая книжка…

– Нет же, – обидно рассмеялся фейри. – Впрочем, тебе же хуже. А вот наша часть сделки – крылья вильи.

И с этими словами он небрежно швырнул на стол тонкий золотой поясок.

Вилья вскочила, опрокидывая кружку с горячим чаем, и вскрикнула, точно сойка. Сцапав поясок, она выбежала на середину комнаты – и обернула его вокруг талии. Выгнулась дугой, заломила руки… А когда распрямилась, на спине у неё уже трепетали два пёстрых совиных крыла – больших, в человеческий рост.

– А вот и вилья, так сказать, в природном обличье! – Айвор уже не скрывал веселья. – Ну-ка, красавица, давай!

Вилья хихикнула совсем по-девичьи – и задрала подол, куда выше колен.

Томас позеленел и ахнул:

– Матерь Божья!

Айвор поскучнел.

– На комплимент не похоже. Да, дорогая?

Вилья грустно кивнула, словно всё поняла, и переступила с ноги на ногу.

Цокнули по паркету крупные ослиные копыта.

Киллиан, за долгие годы знакомства с Айвором насмотревшийся и не такого, только подался вперёд, пытаясь разглядеть, где именно ослиные ноги переходили в человеческие. Выходило, что аккурат над коленями – там и шерсть пропадала, и пропорции становились больше похожими на девичьи. А вот Томасу стало по-настоящему дурно – он так и стоял с открытым ртом, хватая воздух, как карась, выброшенный на берег.

Потерянно вздохнув, вилья опустила подол платья и откинула волосы, упавшие на лицо. Обменявшись с Айвором взглядами, она процокала через гостиную, остановилась ненадолго около Киллиана – и, наклонившись вдруг, подарила ему лёгкий целомудренный поцелуй в

щёку. А потом вскочила на подоконник, невесомая, махнула крыльями – и взлетела в быстро светлеющее после дождя небо, нагоняя отступающие тучи.

Томас наконец-то обрёл дар речи.

– Б-благодарю вас, господа, – произнёс он, краснея пятнами. – Но двадцати фунтов вы не заслужили. Моя невеста превратилась в какое-то… чудовище. И вообще она улетела. Значит, договор недействителен. Считаете иначе – будете иметь дело с адвокатом. Да, с адвокатом!

Айвор с кислым видом оглянулся на Киллиана.

– В договоре были специальные условия?

– Возвращение невесты было прописано, увы, – мрачно подтвердил Киллиан. – Надо было вносить именно «возвращение крыльев».

– Учту, – кротко пообещал Айвор. – Но, согласись, это было весело.

«Весело» обошлось ему ещё в пять фунтов – именно столько оставил Томас на столике вместо десяти, как хотел изначально.

– Вот и вся любовь, – сардонически констатировал Айвор вечером, за ужином. – А ведь вильи приносят удачу, благосостояние. Могут указать на клады… Киллиан, что мне делать? Долг нужно завтра вернуть.

И Киллиан сдался.

– Кому и где ты проиграл двадцать фунтов?

Айвор улыбнулся, предвкушая забаву.

– М-м… долго объяснять. Я лучше отведу.

Тремя часами позже Киллиан, позёвывая, открыл карты.

– Стрит-флеш, господа. Против каре… стрита и… ах, у вас две пары. Сожалею, но и эта партия снова моя. Может, закончим на сегодня с этим? Отыграемся как-нибудь в другой раз, – коварно предложил Киллиан, разглядывая кислые лица других игроков.

Айвор, сидя в тёмном углу, довольно потирал руки; прочие же посетители таверны «Дохлый кролик» стояли вокруг стола заинтересованным, непрестанно перешёптывающимся полукругом. Луна, обожающая дурное веселье, заглядывала через окошко узким, бледным лучом.

– Отыграться – это хорошо, – грустно вздохнул грузный рыжий мужчина в сюртуке, который был дороже всего содержимого таверны вместе взятого, и полез за чековой книжкой. – Но я бы, э-э, воздержался. Вас, видимо, очень любят карты, мистер Флаэрти.

– Наверно, – улыбнулся Киллиан.

«Айвор говорил, что карты не любят магии. Но ловкие руки они очень, очень любят».

– Вот чек.

– Я плачу наличными.

– А-а… а можно завтра занести проигрыш? Слово чести.

– Спасибо, наличные подойдут, завтра, конечно, можно, – согласился Киллиан со всеми разом и поднялся наконец из-за стола. – Большое спасибо за компанию, господа. Буду ещё заглядывать… К слову, сэр, мне отчего-то знакомо ваше лицо, – обратился он к рыжему. – Я не мог вас видеть где-либо раньше?

– Разве что в нашем банке, – оттёр лоб от испарины рыжий верзила. – В «Первом Восточном». Ах, да, моё имя Морис, Морис О'Доэрти…

…почему эти слова вызывали у партнёра по игре такой смех, банкир так и не понял.

Айвор же сидел тихо и только улыбался загадочно, по обыкновению. Лишь на улице Киллиан решился у него спросить:

– Ты ведь знал, верно?

– О родственных связях юноши Тома? Знал, конечно, – ухмыльнулся Айвор. – Мне ведь тоже везёт. По-своему.

С этим Киллиану было трудно поспорить.

Глава 2. Волшебный вор

Нового клиента Айвор привёл солнечным ленивым деньком – из тех деньков, когда лучше всего получается предаваться безделью в тенистом саду запивая домашним оранжадом «Удивительные истории Йоркшира».

– Киллиан, сокровище моё, просыпайся! Есть дело! – жизнерадостно провозгласил фейри на весь сад. – Причём как раз такое, как ты любишь – никаких убийств, никаких девиц в опасности, бегать никуда не нужно, а платят хорошо. Верно, мистер Барри?

Это «мистер Барри» сказало Киллиану намного больше, чем вся остальная проникновенная речь. Если фейри расщедрился на «мистер», да ещё назвал клиента по фамилии – значит, тот был, во-первых, человеком почтенного возраста, во-вторых, состоятельным… И, в-третьих, мог похвастаться изрядной долей волшебной крови, иначе Айвор ограничился бы снисходительным «старина Генри» или чем-то в том же духе.

– Очень хорошо, – пробормотал Киллиан сонно, блаженствуя в кресле-качалке под сенью старой яблони. «Удивительные истории…» были прекрасно иллюстрированы, оранжад Нив приготовила выше всяких похвал, а бежать куда-то ради пяти-шести фунтов вознаграждения – средняя сумма оплаты за мелкое расследование – ему не хотелось вовсе. – Отведи мистера Барри в гостиную, я подойду через несколько… Айвор, чтоб тебя рябиной накормили!

Кресло вдруг взбрыкнуло, как живое, и выплюнуло Киллиана на клеверную лужайку – ещё мокрую после утреннего полива. «Истории…» спорхнули, прошелестев страницами, и уютно устроились на сгибе локтя фейри. Кувшин с оранжадом отрастил ножки и споро побежал куда-то – судя по направлению, на кухню.

– Многие пытались, да ни у кого не вышло, – хмыкнул Айвор. Рядом с ним переминался с ноги на ногу коренастый мужчина лет этак шестидесяти с хвостиком – благородно седовласый, румяный, с окладистой бородой и глазами-щёлочками. Носил он безупречный костюм-тройку, и единственной деталью, выбивающейся из модного, но респектабельного образа, был ярко-зелёный шейный платок, скреплённый у горла крупной булавкой с инкрустацией – лунным камнем-кабошоном.

– У них не было Нив, – резонно возразил Киллиан, с трудом поднимаясь на ноги. – Думаешь, она поблагодарит тебя за лишнюю порцию стирки? – тут старичок совершенно не солидно хихикнул, и Киллиан спохватился: – Добрый день, мистер Барри. Буду рад помочь вам, насколько это в моих силах… И, Айвор, будь любезен, отправь кувшин в гостиную. На кухне ему нечего делать, право слово.

Кувшин выглянул из-за дальнего куста гортензии и виновато щёлкнул крышкой. Мистер Барри рассмеялся, хлопая себя по бокам с таким звуком, словно бил по бочонку с пивом. Киллиан и сам невольно улыбнулся.

«Может, день не совсем испорчен? В конце концов, не обязательно же Айвор должен приносить неприятности *всегда*».

Рассказ свой мистер Барри начал издалека.

– Вам, наверное, ничего не скажет это имя, но зовут меня Фергюс Барри, и роду я самого простого, – широко улыбнулся он. Полуденное солнце любопытно глазело в окна, мягкой лапой трогало вазы на каминной полке и хрустальные фигурки, и по отполированным доскам пола разбегались цветные блики переломленного света. Айвор, взгромоздившись на спинку кресла, подманивал пальцем то один блик, то другой, гладил по ярким крылышкам, как мотылька, и отпускал на волю. – Но моя прабабка по матери, пребывая уже в законном браке, подружилась с кем-то из дивного народа… В результате появился мой дед. В семейные хроники он вошёл как человек весёлого нрава, богатырского сложения и невероятной удачи. Удачу эту он передал своему сыну, а тот – мне, вместе с наказом непременно надевать каждый день что-нибудь

зелёное и раз в год, в самую длинную ночь, относить к камню у высокого холма недалеко от отчего дома большой рыбный пирог. Как подобает хорошему сыну, я послушался наказа, и с тех пор меня во всём сопровождала удача. Ну, нраву я простого, много мне не надо, – заулыбался он снова. – Лишь бы в доме уют был, да жена любила, да дети были здоровы, да эль мой слыл по-прежнему лучшим во всём Дублине, да в паб мой заглядывали люди добрые и весёлые… Так вот с элем-то и приключилась беда.

– Стал портиться ни с того, ни сего? Прокис? Полопались бочки? – начал деловито перебирать Киллиан возможные неприятности. Такое действительно частенько происходило по вине волшебного народца – брауни. Если маленького помощника переставали почитать и подкармливать хлебом с молоком, то он превращался в большого проказника.

Но мистер Барри только покачал головой, помрачнев:

– Хуже, – сказал он. – Эль просто исчез, а вместо него в бочках оказалась вода. Ума не приложу, как бы такое смог учудить человек… Так что вы уж помогите мне сыскать вора, а я вас награжу по совести, не только деньгами, но и лучшим своим элем.

Киллиан открыл было рот, чтоб уточнить размер гонорара, но быстро передумал. Если у мистера Барри и впрямь были предки среди «добрых соседей», то награда, пожалованная от сердца, точно оказалась бы полезней, чем оговоренная заранее.

– Хорошо, мы согласны. Айвор, как насчёт договора?

– Уже, – помахал фейри свернутым в трубочку листом бумаги. – Только подписать осталось.

Проглядывая свой экземпляр договора, Киллиан отметил, что Айвор тоже оставил размеры вознаграждения на усмотрение заказчика. Вид у компаньона при этом был исключительно довольный.

– Вот и чудесно, – прокряхтел мистер Барри, поставив на нужной строке мудрёный росчерк. – А теперь, если вы не возражаете, приступим к работе. Не желаете ли взглянуть на мои погреба?

Киллиан, конечно, желал.

В этот раз Айвор остался дома, ссылаясь на то, что работёнка пустяковая, мол, и ребёнок справится. Затуманенный взор, впрочем, говорил о том, что у компаньона просто большие планы на вечер, и менять их на бдение у бочек с элем он не собирается.

– У меня хороший старый паб, – рассказывал мистер Барри по дороге. Его дом располагался не так уж далеко от Рыночной площади, всего в часе ходьбы. – Не слишком богатый, без всех этих новомодных салунов, даже без комнат под сдачу. Сказать по правде, мы сами живём там же, на втором этаже… Но зато полы в моём «Счастливчике» прочные и чисто выметенные, никаких опилок, как в лошадином стойле, а каждое новолуние к нам заглядывает кто-нибудь из бродячих певцов – верите ли, нет, но эта братия до сих пор живёт и здравствует. – Мистер Барри бросил на Киллиана хитрый взгляд. – Еда у нас простая – свиные рёбрышки, маринованные яйца, солёные крендельки да орешки, но всё готовит моя жена. Ну, и эль… эль – наша гордость.

– Счастлив за вас, – заверил его Киллиан. Упоминания эля и простоты, ставшие рефреном в многословной песне во славу семейства Барри, стояли уже поперёк горла. – Так вы говорите, что закуски готовит ваша уважаемая супруга? Значит, прислуги в доме нет?

– Почему нет? – удивился мистер Барри и даже остановился, сцепляя руки за спиной. Булавка в шейном платке кольнула глаза холодным отблеском в камне. – Есть. Две подавальщицы, они же и горничные, да мальчишка – ножи точит, уголь таскает, обувь чистит… Ну, когда и дров приходится наколоть.

– Значит, в доме проживаете вы, ваша супруга, две подавальщицы и мальчик для мелкой работы?

– Нет же, – скривился мистер Барри и продолжил путь, уже более скорым и сердитым шагом. Лицо раскраснелось, словно от выпивки. – Ещё у меня пять дочерей, младшей из которых девять, а старшие две уже замужем, да и к средней сватается достойный юноша, хоть ей лишь недавно минуло семнадцать. Я как раз выбираю, кому завещать в наследство паб. Был бы у меня сын или внук – вопрос бы сразу решился. Отдавать же своё детище в руки чужаку не хочется…

«Готов спорить, что у каждого из претендентов найдётся тысяча и одна причина, чтоб попытаться склонить чашу весов на свою сторону, – мрачно подумал Киллиан. – Но как это может быть связано с похищением эля?»

– Понятно, – в который раз повторил он и вздохнул. – Мистер Барри, кажется, мои расспросы вам неприятны, но это один из способов выйти на вора. Нужно составить круг подозреваемых, опросить свидетелей…

– Не надо никого опрашивать, – заявил мистер Барри, и в голосе у него проступило что-то металлическое, этакий неприятный отзвук. – Просто поймайте воришку. Уверен, что это кто-то из волшебного народа, человеку не под силу добыть эль из закрытой бочки и заменить его водой.

– Хм… Позвольте тогда уточнить, а почему вы уверены, что эль украден? – резонно поинтересовался Киллиан. Идти в ногу с мистером Барри становилось всё сложнее, дыхание начало сбиваться, хотя он вроде бы и не слишком спешил. – Может, эль просто превращают в воду?

Мистер Барри застыл как громом поражённый.

– Превращать чудесный эль в воду? Кому это может понадобиться, скажите на милость? Право, глупость. Не разочаровывайте меня, мистер Флаэрти. Рекомендации уважаемых людей – вот причина обращения к вам… Но у меня и своя голова на плечах есть. И если я увижу, что похвалы были изрядным преувеличением…

– Мистер Барри, что бы вы сказали пэру из Парламента, вздумай он поучить вас готовить эль?

– Что сказал? Разумеется, что, при всём уважении, я-то лучше разбираюсь в этом деле, – прокряхтел он, отводя взгляд. – А если ему мой эль не по нраву, так в округе пабов – и за месяц не обойдёшь, коли в каждом за вечер по кружечке пропускать. Пусть выбирает любой.

Киллиан выдержал длинную паузу, устремив на строптивого клиента немигающий взгляд, а потом мягко, тягуче, словно мёд разливая, проговорил:

– Мистер Барри, в Дублине столько констеблей, что если каждый из них зайдёт в ваш паб пропустить по кружечке, то запасы эля в один вечер истощатся. При всём уважении, я лучше разбираюсь в сыске, а потому просто позвольте мне делать мою работу, раз вы наняли меня, доверившись рекомендациям уважаемых людей… Или поищите констебля себе по вкусу.

– Э-э… Грхм, – кашлянул мистер Барри смущённо. – Ну-с, на преступника ведь рановато указывать? Прежде надо со всеми словечком перемолвиться, хе-хе… А хотите, как придём, я вас элем угощу? Чтоб разуменье было, вокруг чего суета?

– Не стоит, – вежливо отказался Киллиан. – На работе я предпочитаю воздерживаться от хмеля. Не поверите, был в моей практике случай, когда одна вдовушка повадилась угощать соседей вином на волчьей ягоде…

За потешной историей удалось скоротать дорогу, а заодно и развеять напряжение. Когда мистер Барри вновь заулыбался, Киллиан незаметно перевёл дух. Клиентов с норовом в «Тимьяне и Клевере» хватало, но обычно ими занимался Айвор. Одного недовольного взгляда фейри хватало, чтоб сбить спесь даже с аристократа.

«С другой стороны, начнёшь всех осаживать – никто потом тебя рекомендовать не станет, и прости-прощай, репутация, – мрачно размышлял Киллиан. – Правильно Айвор говорит – нужно блюсти баланс».

В ветвях каштана запутался ветер, и за шумом листьев Киллиану померещился тихий, шелестящий смех фейри.

«Наваждение, точно».

Мистер Барри сказал правду – «Счастливчик» был заведением старомодным, но аккуратным и ухоженным. Вместо черепицы крышу устилала солома, да не жиденько, как в бедных хижинах, но толстым – в полметра – плотным слоем. Из-за плавных изгибов чудилось, что крыша обнимает стены, словно птица крылами – родное гнездо. Струился серебристый дымок из пухлой, приземистой трубы. Кроме дома, во владениях семейства Барри имелся обширный двор и даже сад с маленьким прудом – редкость в столь оживлённом городском районе.

– Кхе-кхе, – кашлянул мистер Барри, заметив восхищённый взгляд Киллиана. – Этот паб даже не мой прадед – мой пра-пра-прадед строил, в те самые времена, когда о лицензии на торговлю элем никто и слыхом не слыхивал. Пойдёмте внутрь, мистер О'Флаэрти, я вас со своими домочадцами познакомлю. Только уговор – с Маргарет не любезничать, мала она ещё – с мужчинами знаться. Пусть сперва Эмили Ли замуж выйдет, вот тогда…

– Слово честного человека, – с лёгкой душой пообещал Киллиан, потому что никакого желания ухлёстывать за дочкой трактирщика у него не было. – Но всё же представьте меня этой самой Маргарет. У незамужних девиц глаз острый, может, она и заметила что-нибудь необычное.

– Я уже и дочек расспросил, и служанок, и жену, – уверил его мистер Барри. – Они о кражах – ни сном, ни духом. Но если удостовериться желаете…

И снова повисла многозначительная пауза. Киллиан вздохнул.

– Желаю.

Рассказывая о пабе, Фергюс Барри нисколько не преувеличил – внутри действительно оказалось весьма чисто и уютно, а отполированные дубовые доски пола так сверкали, как начищенный паркет не у всякого богатея в доме блестит. По стенам и над окнами болтались связки сухих трав, а над стойкой красовалась самая настоящая кабанья морда.

Народу в зале, впрочем, оказалось не так уж много. За дальним столом трое моряков азартно шлёпали засаленными картами, сквернословя, хохоча и шумно прихлёбывая из высоких кружек. На это действо недовольно косились двое среднего возраста мужчин в обычной городской одежде – тёмно-коричневые брюки, светлые рубашки да плотные клетчатые пиджаки невнятной расцветки. У стойки миловидная женщина с убранными под косынку волосами любезничала с высоким незнакомцем, одетым не по погоде – в длинный, тяжёлый тёмно-серый плащ и кепку-клинышек. Завидев мистера Барри, женщина ойкнула и, подобрав юбки, удрала в подсобное помещение, оставив мужчину наедине с кружкой и бараньими рёбрышками.

– Ну, сейчас-то ещё день, люди-то работают, а вот вечером здесь шумно бывает, – ответил мистер Барри на так и не высказанный вопрос. – Мы и открываемся обычно ближе к вечеру. Что скажете о моём «Счастливчике», мистер Флаэрти?

Киллиан немного подумал, прежде чем откликнуться, чувствуя, что от ответа будет зависеть многое.

– Тут всё… – Он набрал воздуху в лёгкие. – Добротно. Основательно. В таких местах особенно хорошо бывает осенью и зимой, когда погодка – дрянь, то ли снег с дождём, то ли дождь со снегом, и не поймёшь, что больше греет – грог или домашний уют… Мистер Барри, скажите, а «Счастливчик» – часом не тот кабан?

Старик удивлённо моргнул – и засмеялся, хлопая себя по бокам.

– Вот теперь верю, что вы сыщик, мистер О'Флаэрти. Вы первый, кто про Счастливчика догадался. Ему, почитай, уже почти триста лет. Был такой здоровенный кабан, всю деревню в страхе держал, а от охотников уходил, как заколдованный. Ну, мой-то пращур с ним справился, как видите.

– Значит, ваше почтенное семейство восходит к настоящему герою? – улыбнулся Киллиан.

– Кхе-кхе, – смущённо кашлянул Фергюс Барри. – Да в нашей-то Ирландии у каждого второго в предках непобедимый герой, а каждый третий вообще норовит хоть в мечте с народом из-под Холмов породниться. А вы-то, кстати, какого роду?

– Исключительно незнатного, – заверил его Киллиан. – Неволшебного, скучного рода, который если чем и смог прославиться, то трудолюбием.

«А также умением торговаться и делать деньги даже из воздуха», – об этом Киллиан благоразумно умолчал.

Ни к чему случайным знакомым знать, что в семье Флаэрти на каждое поколение приходилось не меньше пары авантюристов, готовых хоть пуститься в путешествие за море, хоть отправиться на поиски сокровищ фейри, хоть уехать, едва достигнув совершеннолетия, в столицу, не имея ни пенни за душой.

– Это даже хорошо, – довольно усмехнулся мистер Барри. – Из таких надёжных людей самые лучшие мужья получаются, хе-хе, вот таких я для своих дочек и хочу.

«Ничем не могу помочь», – огрызнулся про себя Киллиан, а вслух разразился подобающей случаю банальной речью, сдобренной изрядной долей благих пожеланий для самых, без сомнения, добронравных и очаровательных девиц во всей Ирландии.

Семью и прислугу Фергюс Барри собрал на втором этаже, в просторной гостиной, обставленной столь же добротно и основательно, сколь и безвкусно. Особенно сильное впечатление производили хищно оскалившиеся солнышки, вышитые по занавескам тёмно-зелёной нитью. Пока Киллиана представляли домочадцам, он незаметно осматривался, стараясь пока не оценивать обстановку, а просто запоминать детали.

– Ну-с, а теперь, мистер Флаэрти, счастлив наконец представить вам свою семью, – довольно потёр руки мистер Барри и похлопал по плечу тучную, высокую, но необыкновенно робкую женщину в чепце. – Это моя жена Грейс. Наша старшая дочка – Анна, то есть сейчас уже миссис О'Бойл. А вот и мистер О'Бойл, кхе-кхе, Джон, сынок, не хмурься – какой же из тебя хозяин паба получится с этакой мрачной физиономией? – засмеялся Фергюс. Анна и Джон были под стать друг другу – высокие, с мощными надбровными дугами и квадратными подбородками. Сперва казалось, что на лицах застыло угрюмое выражение, но если приглядеться, то становилось ясно, что застенчивостью Анна пошла в мать. – Вот эта красавица – моя любимица, Лизбет, а вон и её муженёк. Что, Сэм Конноли, верно, и сам себе не веришь – какое счастье отхватил? – Лизбет, белокурая и пухленькая, сделала книксен, опустив голову, как служанка, а долговязый Сэм заулыбался, хотя обращение Фергюса явно пришлось ему не по нраву. А это Эмили Ли, которая, надеюсь, скоро станет миссис Макбрайт… Солнышко моё, кстати, где Дермот?

– Отцу в конторе помогает, – спокойно ответила премиленькая сероглазая девушка. Волосы у неё были рыжие, руки – хоть натруженные, но ухоженные, никаких чёрных лунок под ногтями, как у Лизбет, или заусенцев, как у почтенной матери семейства. – Ты же сам сказал – пока Дермот сто фунтов не принесёт и на стол тебе не положит, не видать нам свадьбы как своих ушей.

– Мало ли, что я говорил… Не всё повторять-то нужно, – улыбаясь, пожурил её мистер Барри.

«Не при всех», – мысленно поправил его Киллиан, догадываясь, как обстоят дела на самом деле.

– Как скажете, папенька, – прикинулась дурочкой девица Эмили Ли и покорно опустила голову, подражая манерам сестёр.

Фергюс Барри, торопясь замять некрасивый момент, скороговоркой назвал остальных членов семьи. Маргарет оказалась девушкой из породы красавиц-простушек – буйные светлые

кудряшки, губы точно лепестки роз, белые руки, не знавшие работы, и ясные-ясные голубые глаза, не омраченные тенью интеллекта. Девятилетняя Сьюзан и вовсе испугалась Киллиана и спряталась от него за спину Эмили Ли – и уже оттуда показала ему язык. Симпатичную служанку лет двадцати восьми, любезничавшую внизу с незнакомцем в плаще, звали Люсиндой, и она, судя по жарким взглядам, адресованным Киллиану, страстно хотела замуж. Младшая подавальщица, Джейн, прятала за низко надвинутым чепцом коричневое родимое пятно на лбу, а мальчишка, точивший ножи и чистивший обувь, был её родным братом и звался Рисом.

– Кхе-кхе… вот и всё, – подвёл итог долгому рассказу мистер Барри. – Точней, вот и *все.* Бывает у нас ещё Дермот Макбрайт, ну да он ближе к вечеру подойдёт. А теперь, мистер Флаэрти, не желаете ли отведать моего эля?

Киллиан с трудом удержался от того, чтоб не рассмеяться.

«Так настойчиво меня уже давненько не угощали. С тех самых пор, как Айвор подкинул дело о приворотном зелье».

– Нет, мистер Барри. Премного благодарен, но всё же откажусь. На работе я никогда…

– Да-да, ни капли в рот, – грустно заметил Фергюс и машинально погладил себя по животу, то ли мечтая об эле, то ли проголодавшись. – А на подвал, где бочки стоят, не взглянете?

– А вот это – обязательно, – заверил его Киллиан.

Эмили Ли фыркнула и, взяв за руку Сьюзи, вышла из комнаты.

Маргарет и Люсинда, каждая на свой манер, соревновались в томности и многозначительности взглядов, Анна угрюмо сопела, и ей вторил Джон, Лизбет с Сэмом явно не терпелось обсудить гостя, а миссис Барри – сбежать на кухню, под защиту кастрюль и копчёных свиных рёбрышек. Киллиан вздохнул и твёрдо добавил:

– Прямо сейчас.

Дом оказался гораздо больше, чем выглядел со стороны.

Второй этаж Киллиан толком и не разглядел – мистер Барри сразу повёл гостя вниз. Там, в подвале, располагалась кухня, при ней – кладовые для окороков, фазанов, колбас и прочих мясных заготовок. Там же была комнатка для служанок с двумя лежанками и обшарпанным ларём для одежды.

В противоположной стороне от кухни находились, собственно, подвалы для вина и эля.

– Значит, войти сюда можно только через кухню?

– Совершенно верно, мистер Флаэрти, – раздосадованно подтвердил Фергюс, стоя на ступенях. – Через кухню, мимо кладовой – прямо сюда. Знаете, я сам сперва на домашних грешил, – сознался он тихо. – Несколько ночей ставил дозорных. Сперва Рис сторожил, за три пенни в ночь – никого не поймал. Ну, я подумал: «Что взять с мальчишки? Небось, уснул». И попросил о помощи сперва Джона, потом Сэма… Несколько ночей они вдвоём сторожили, но всё одно – в урочный час засыпали, как околдованные, а эль в одном из бочонков превращался в воду. Я уж наловчился это определять – перед обворованным бочонком всегда или лужа, или следы мокрые… Наконец, пришлось доверить охрану самому надёжному человеку.

– Кому же это? – полюбопытствовал Киллиан.

– Мне, – серьёзно ответил мистер Барри. – Да только без толку. Я и сам не заметил, как уснул, а проснулся уже утром, да с таким похмельем, что и врагу не пожелаешь. Словно выпил пинты три самого мерзкого эля в Дублине! И что же это, если не колдовство фейри?

«Пьянство?» – чуть не оговорился Киллиан, но успел вовремя прикусить язык.

– Да, похоже на колдовство, – нехотя согласился он. – И как, сегодня тоже посадите на пороге сторожей?

– Разумеется. А почему это вы спрашиваете, мистер Флаэрти? – подозрительно осведомился Фергюс. – Разве вы не будете стеречь эль вместе с ними?

Киллиан набрал в грудь воздуху, чтобы решительно отказаться от этого бесполезного занятия, но потом представил возвращение Айвора с очередного удавшегося свидания. Пробуждение в пять утра в запахе дорого вина и ночных цветов; рассказ, красочно описывающий всё – от первого поцелуя и вздоха до пикантных финальных подробностей; ожившее одеяло, туго связывающее хозяина по рукам и ногам, чтоб не смел трусливо убегать; разгневанная Нив, проснувшаяся не вовремя из-за ругани и барахтаний этажом ниже…

– Э-э… Я так и собирался поступить, конечно, – обречённо выдохнул Киллиан. – Полагаю, возвращаться домой ради ужина мне смысла нет?

– Я прикажу Люси поставить ещё один прибор на стол! – обрадовался мистер Барри и с энтузиазмом потряс руку собеседника. – Спасибо, спасибо мистер Флаэрти! Может, всё-таки эля?

– Нет, – стойко ответил Киллиан. В его личном списке эль по раздражающему эффекту подобрался опасно близко к компаньону. – Так как, говорите, тут запираются двери?

До ужина он успел осмотреть подвал и даже частично простучать стены на предмет тайных ходов. Кое-где звук был странный, но мистер Барри пояснил, что никаких ходов там нет, а есть несколько пустот, в которых «на удачу» замурованы бочонки с элем и виски – три-четыре общим счётом. Двери запирались крепко, ключ имелся в единственном экземпляре и принадлежал самому хозяину паба, а сам подвал не оставляли без присмотра даже днём – на кухне постоянно вертелся кто-то из сестёр или их женихов.

– А воду эль превращается всегда именно ночью? – дотошно уточнил Киллиан.

– Только ночью, – клятвенно заверил его мистер Барри. – Днём – никогда.

Служанки ужинали отдельно, в своей комнатке, уже после того, как домывали посуду. Выбрав минутку, Киллиан наведался к ним и расспросил немного. Джейн больше отмалчивалась, а вот Люси охотно поведала всё, что знала:

– Ну, в доме этом, значит, я с малолетства работаю, вот. Ещё старого хозяина застала, на один год, правда, но он ой какой щедрый был! На Рождество всем подавальщицам не только по новому платью дарил, но и башмачки, и ленты, и обязательно те ленты были зелёные. А ещё он нам наказывал строго-настрого, чтоб на ночь мы на кухне у очага оставляли в миске молока с хлебом, бренди с пирогом – чего не жалко и чего посвежей, так-то. Ну, мы слушались. А мистер Барри, новый который, сперва тоже нас платьями дарил, потом только чепцами да лентами, а теперь чепцы нам жена дарит, а он хорошо если одну-единственную ленту пожалует… И зелёное носит только сам, нам не даёт, правда, и платит больше, жаловаться не на что, – быстро поправилась она, оглянувшись на молчаливую Джейн. Та, впрочем, не спешила бежать и наговаривать на подругу хозяину – наоборот, кивала, соглашаясь без слов. – Ну, а миску с бренди и куском пирога мы всякий раз на ночь ставим, и к утру она пустая бывает.

«Значит, брауни или иной дух здесь действительно обитает, – подытожил про себя Киллиан. – Но зла на семейство Барри он держать не должен – его хорошо кормят и уважают».

А сторожить в эту ночь выпало Сэму и Дермоту.

Сэм сразу же завязал беседу. Вся суть его речи сводилась к тому, как он здорово будет управлять пабом, когда «старик Барри» передаст ему дело.

– Прислуге я жалованье увеличу, ей-ей, – заверял он Киллиана. Рядом вертелась Люси – она как раз принесла «ночную трапезу», хлеб с сыром, и разлила по высоким пивным кружкам морс. – И снова начну платья дарить под Рождество. Лизбет моя того же мнения, да! Она хочет, чтоб дома у нас слуги жили, как у мэра… Да и нам самим пора бы одёжу прикупить побогаче. И экипаж заказать, денег-то хватает! – подмигнул он Киллиану. – К старику они в руки так и сыплются, так и сыплются!

– Погодил бы пока чужие деньги делить, – осадил его Дермот. Он был чем-то похож на Эмили Ли – такой же сероглазый, острый на язык и неласковый.

Сэм ощерился:

– А ты бы что сделал, Дерри?

– А я бы передал паб Джону, потому что никто лучше него с этим делом не справился бы, а сам устроился бы по рекомендации в помощники адвоката, – отрезал Дерри, откидывая со лба прядь льняно-светлых волос. – Моя Эмили Ли женой трактирщика не будет. А ещё я ей книгу куплю. Или две, или сколько попросит.

Фьють! – насмешливо присвистнул Сэм. – Ты сперва деньжат-то на откуп накопи, а потом обещай. Эй, Флаэрти, а ты чего сидишь, не пьёшь – не ешь? Морс-то хороший.

– Так ведь ужин недавно был, – отмахнулся Киллиан.

– Этот морс моя Лизбет варила! Ну-ка, попробуй, – пихнул ему Сэм кружку в руки.

Киллиан спорить не стал, благо напиток был вкусный. От двери подвала тянуло холодком. Несколько раз слышалось хихиканье и шарканье, будто бы ходил внутри старик, но Дерри объяснил, что это сквозняки. В первые дни дежурства он тоже разволновался, разбудил мистера Барри и заставил его открыть подвал, но внутри никого не оказалось.

…Момент, когда навалился тяжёлый, неодолимый сон, Киллиан пропустил.

Голова поутру трещала нестерпимо.

– Ну, как, увидали чего-нибудь, мистер Флаэрти? – полюбопытствовал утром Фергюс Барри. Во взгляде его Киллиану почудилось злорадство.

Маргарет любопытно вытаращилась голубыми глазищами. Вредина Сьюзи показала язык, и Киллиан едва удержался от того, чтоб не повторить за нею. Эмили Ли вздохнула и осторожно коснулась руки страдальчески сморщившегося жениха.

– Увидал, – не моргнув глазом, соврал он. – И, с вашего позволения, отлучусь до вечера в агентство, дабы проконсультироваться у компаньона. Он, э-э, более сведущ в делах фейри.

«И похмелье снимает замечательно».

– Ступайте, – благодушно разрешил мистер Барри. К вечеру говорите, вернётесь?

– Непременно, – пообещал Киллиан. – Бочку с водой не убирайте, я хочу её осмотреть. А сейчас вынужден откланяться. В силу, гм, обстоятельств непреодолимой силы.

До агентства он добирался перебежками, от тени к тени. Яркое майское солнце причиняло немыслимые страдания, а при мысли о завтраке к горлу подкатывала тошнота.

Айвор смеялся, как сумасшедший.

– Ну тебя и угораздило, любезный мой друг! Подними-ка голову, посмотри на меня… моргни… дыхни… Да ты, судя по всему, успел вылакать не меньше двух бутылок скверного виски. И когда это?

– Если б я знал, – мрачно откликнулся Киллиан, стоически снося издевательства фейри. – Я пил только морс.

– Вот сегодня не пей, – посоветовал Айвор и улыбнулся. – Говорю же, в глаза мне смотри, горемыка, только внимательно… ближе… ближе… Вот так!

Киллиан послушно придвинулся, неотрывно глядя в чёрные зрачки, как в бездонный омут, ещё и ещё… пока не столкнулся носом с Айвором, выругался, отпрянул и свалился со стула. Фейри обидно рассмеялся, потрепал Киллиана по голове и спросил:

– Так получше?

– Да, – с некоторым удивлением ответил он, сам себе не веря. – Как ты это делаешь? Всегда по-разному…

– Всегда одинаково, – ухмыльнулся Айвор. – Это отвлекаю тебя я по-разному. Кстати, Нив уже проснулась. Как насчёт завтрака? И я ещё не рассказал тебе, как прошло свидание с Кларисс. Ах, Кларисс, сама утончённость и нежность, и, хотя она и девица, но оказалась такая страстная…

Киллиан зажмурился. Похмелье теперь не казалось ему такой уж страшной альтернативой.

Экзекуцию прервала Нив, отвесив Айвору варварскую затрещину. Фейри понятливо умолк и хранил загадочно-счастливое молчание до вечера. И, лишь когда Киллиан уходил, расщедрился на совет:

– Присмотрись к людям хорошенько. Когда кто-то так настойчиво сваливает вину на волшебный народ – виноват смертный. Да и украсть что-то из дома, где брауни сыт и задобрен, может только кто-то из хозяев, родная кровь. Даже слугам он отомстит.

– Я учту, – пообещал Киллиан.

На сей раз паб был полон.

Мистер Барри сам разливал эль и шутил с завсегдатаями, а потому сразу махнул Киллиану рукой, приказав подниматься наверх. В гостиной ждали Джон и Анна с ключом от подвала. Бочку, как и было уговорено, никто не трогал. Киллиан осмотрел её, уделив особое внимание дну и крышке, но ничего не нашёл. Только одно показалось подозрительным – нитка, торчавшая аккурат из стыка между досками.

– Это что такое?

– Это? – Анна намотала мокрую нитку на палец, понюхала и пожала плечами: – Наверно, зацепился кто-то рукавом. Но у нас, почитай, что служанки, что мы в одном и том же ходим, так что от чьего рукава – так и не скажу.

– Хм… подумаю на досуге, – резюмировал Киллиан и спрятал нитку в карман, решив потом показать её Айвору. – Анна, скажите, а кто-нибудь мог изготовить дубликат ключа от подвала?

– Да кто хошь мог, – простодушно ответила она. – Дело-то недорогое, а до того, как воровать-то начали, папенька не очень за ключом и смотрел. Бывало, мог на целый день оставить в гостиной на столе.

– Понятно. Кстати, миссис О'Бойл, а что б вы сделали, если б стали хозяйкой паба?

– Я-то бы не стала, где женщине в одиночку с пабом управиться, – улыбнулась она. – С мужем вдвоём – другое дело. Джон бы элем торговал, как мой отец, дед и прадед делали. Чего ещё-то желать?

Киллиан улыбнулся в ответ:

– Ну, что ж, пожелаю вам удачи. Кстати, мне ведь сегодня сторожить в компании Джона?

– Да, – мрачно ответил за неё муж. – Ну и повинность… Каждый раз идёшь, как на плаху. Скорей бы уж этого вора поймали бы. Я в жизни ничего крепче чаю не попробую.

За ужином история повторилась. Киллиан на всякий случай плотно перекусил, чтоб потом рука не потянулась к кружке или ломтю хлеба и попросил принести воды.

– Простой воды? – удивился мистер Барри. – Не эля, не морса… Хотите, чаю сделаем? Мы, конечно, не шикуем, но ради гостя…

– Нет, спасибо, – вежливо отказался Киллиан. – Это, м-м, гейс, чтоб поймать вора. Зарок такой. Не пить ничего, кроме воды.

– Ну, будет вам вода, – развёл руками Фергюс Барри.

Кувшин с питьём Киллиану поднесла Маргарет, преданно глядя бессмысленно-ясными глазами. Эмили Ли посматривала насмешливо, уловимо напоминая этим Айвора.

«Вода как вода, – решил Киллиан, принюхавшись. – В конце концов, не помирать же от жажды. Жаркое было изрядно пересолено».

Перед тем, как расположиться на ступенях на ночь, он наведался на кухню, к очагу, и подложил в миску у очага к ломтю свежего хлеба маленький пирожок, испечённый утром Нив.

– Не враг я сему дому, но друг, – прошептал Киллиан на четыре угла и только потом присоединился к Джону.

Они разговаривали, чтоб скоротать время – больше о том, как прошла свадьба с Анной и что было на столах. А потом вдруг Джон прямо на половине фразы умолк, улыбнулся глупо, что-то забормотал и потихоньку сполз, сворачиваясь калачиком на полу. Киллиан дёрнулся

помочь, но тут в голове у него помутилось, стены заплясали перед глазами… и накатила тёплая, пьяная истома.

«Колдовство».

Он чувствовал, как сквозь забытьё пытается до него достучаться кто-то – уродливый толстенький старичок в одежде из разноцветных лоскутов. Он тянул Киллиана за рукав и пищал что-то, а красивый женский голос напевал:

Как по ниточке, да по беленькой
Эль течёт, словно яркий мёд,
А по ниточке, да по синенькой
Холодная водица катится…

Киллиан не мог и веки толком разомкнуть, не то, что пошевелиться, и вскоре снова провалился в сон.

А утром всё было так же, как и вчера – похмелье, тягостное объяснение с мистером Барри, беспощадное майское солнце – и хохочущий Айвор.

– И как, рассказал нанимателю про колдунью-певицу? – поинтересовался он, хорошенько окатив компаньона холодной водой. Киллиан, излеченный от похмелья, но мокрый до нитки, продрогший и злой, мысленно начинял приготовленный Нив пирог отборной рябиной.

– Нет.

– Почему? – заинтересованно сощурился фейри. В растрёпанных волосах его застряли клочки сухой травы и почему-то яблоневые лепестки, хотя сады отцвели уже давно. – Думаешь, та колдунья – красотка, и в благодарность за молчание она одарит тебя поцелуем?

– Тьфу на тебя, – от души высказался Киллиан и отвернулся, направившись к дому. – Нет, не думаю. Но, во-первых, мистер Барри мне не особенно нравится, а во-вторых, я что-то чувствую.

– Хорошие предчувствия, плохие? – Айвор забежал вперёд, чтобы видеть выражение лица компаньона. – Не поделишься?

– А ты поделишься секретом, как остаться сторожить подвал, но не опьянеть?

– Не пить, – мгновенно посерьёзнел Айвор. – И не есть ничего. Самый верный способ. На тебя не порчу навели, тебя опоили – уж это я точно могу сказать.

– Да, по ощущениям на колдовство это не похоже, – согласился Киллиан и чихнул. Мокрая ткань неприятно липла к телу. – Подожди, я скоро вернусь, тогда и договорим.

Мысленно извинившись перед Нив за мокрые следы на полу, Киллиан, перескакивая через ступеньки, взбежал по лестнице и закрылся в своей комнате, а затем скинул мокрый пиджак, брюки и полез в комод за сухой сменой одежды. Айвор прошёл сквозь запертую дверь, словно не заметив её, и уселся на подоконнике, с любопытством наблюдая за компаньоном.

– Ты что-то уронил, – сообщил он доброжелательно, когда Киллиан, кое-как растёршись покрывалом, влез в чистую рубашку.

– Да? – удивился Киллиан и торопливо одёрнул подол. На полу, рядом с мокрыми брюками, лежала маленькая, с мизинец, тисовая веточка-рогатка на простой суровой нитке. – А, действительно… Спасибо.

– Не снимай оберег, – тихо попросил Айвор и, отвернувшись к окну, продолжил с натужной весёлостью: – Так что с твоими предчувствиями? Чуешь свою судьбу среди девиц Барри?

– По большей части они уже не девицы, а жёны, – фыркнул Киллиан, заправляя амулет под рубашку. – Или невесты. Или ещё дети. Нет, я просто чувствую, что с этим мистером Барри что-то не так. Он мне не нравится.

– Мы своё возьмём, не переживай, – повернувшись, подмигнул заговорщически Айвор. – А что до твоего опьянения… Есть у меня идейка. Но без помощи Нив не обойдёмся. Уговоришь нашу красавицу принять облик келпи?

– Попробую, – вздохнул Киллиан.

Нив, раздосадованная после внеурочной уборки, сперва и слышать не хотела ни о каких превращениях. Но потом, выслушав рассказ о чудесах в доме Барри, смягчилась.

– Похмелье, – изрекла она задумчиво, – штука жестокая. Помнится, братья рассказывали, как раз батяня мой уволок в реку проезжего рыцаря в полном доспехе. Как деревенские потом ту жестянку со дна доставали – ой, со смеху околеешь! А им, видать, не до смеху было. Сперва взяли они кнуты – и ну по реке лупить! А батяня мой знай себе в омуте сидит и ржёт, что твой конь. Ну, тогда поняли мужики, что так его не пронять, и загоревали. А одна умная баба возьми да и присоветуй кой-чего дельное… Словом, скинулись они, кто сколько смог, и купили целый бочонок крепкого-крепкого виски, а потом ка-ак вылили его в омут! Батяня-то сперва тоже поржал, весело ему было, а наутро такое похмелье навалилось – хоть на берег сигай да под топор голову складывай. А деревенские дети ещё по бережку ходят да стучат, кто во что горазд – по вёдрам железным, по мискам жестяным. Пришлось от них откупаться – как девки пошли рубахи полоскать, он им полную горсть жемчуга по карманам рассовал. Так-то… Ну, не о том речь, – мотнула Нив головой. – Пойдём во двор, Киллиан, там я и перекинусь. Будет тебе средство от пьянства.

В густой тени яблонь она обернулась здоровенной чёрной лошадью с пылающими глазищами и бычьими рогами. Айвор залез на дерево, свесился, зацепившись ногами за ветку, и долго-долго искал что-то на холке у Нив, а когда нашёл – дёрнул и, как белка, взлетел на самую вершину яблони. Нив взвизгнула так, что стёкла в доме задрожали, раз-другой попыталась тяпнуть Айвора за пятку, но потом успокоилась и перекинулась обратно в сребровласую девицу.

– Вот, – довольно произнёс фейри, спрыгнув с дерева, и протянул Киллиану маленький жёсткий белый волосок. – Самое верное средство от опьянения. Перед тем, как пить и есть что-то, положишь это под язык. Но смотри не проглоти случайно! – Айвор подмигнул. – А там хоть три пинты виски выпей, ничего с тобой не будет. Ну лопнешь от жадности разве что.

Киллиан понюхал волосок и потёр его пальцами; он пах речной водой, впрочем, как и сама Нив, а на ощупь был шершавым, как пшеничная ость.

– А если я его случайно проглочу? Или выплюну?

– Тогда колдовство не подействует, – развёл руками Айвор. – Постарайся не упустить воровку сегодня. А иначе, друг мой милый, пострадает уже моя репутация. Без репутации нынче никуда – ни в свет выйти, ни девицу на свидание пригласить.

– Я учту, – пообещал Киллиан, размышляя, как бы испортить компаньону репутацию, но самому при этом не пострадать.

И так, и сяк выходило, что наоборот пострадают все, кроме Айвора.

В паб мистера Барри Киллиан заявился под самый конец ужина.

– Ну, что, уж сегодня-то вы раскроете это дело, мистер Флаэрти? – ворчливо поинтересовался Фергюс. – А то время-то и идёт, а подвижек нет. Или вам наше жаркое по вкусу пришлось?

Киллиан с сомнением оглядел блюдо, на котором картошки и моркови было куда больше, чем мяса, и вежливо улыбнулся:

– Жаркое, бесспорно, великолепно, но даже оно не стоит того, чтобы затягивать дело. Обещаю в скорейшем времени решить вашу проблему, мистер Барри. Однако и вы пообещайте мне, что в точности выполните мои рекомендации, которые я этой ночью окончательно опре-

делю. Иначе через некоторое время кражи начнутся вновь. С фейри шутить не стоит, – мрачно закончил он, состроив трагическую мину.

Это был чистой воды блеф, но Фергюс Барри разволновался необыкновенно. Тяжело дыша, он ослабил узел платка и прокрутил булавку с лунным камнем. Эмили Ли, усмехнулась и отвела взгляд, а Лизбет напротив навострила уши. Прочие молчали, уткнувшись в свои тарелки, и выжидали.

– Так здесь всё же замешано колдовство? Я не ошибся? – Фергюс обтёр салфеткой лоб и нахмурился.

– А вы сомневались в этом? – выгнул брови Киллиан.

Мистер Барри, кашлянув, быстро взглянул на Дермота Макбрайта, сидевшего за тем же столом – правда, не подле Эмили Ли, а у двери, дальше даже, чем маленькая Сьюзан. Лизбет хихикнула и, толкнув долговязого муженька в бок, что-то зашептала. Киллиан разобрал только «…в то же время» и «зря надеется», а потом Фергюс Барри заговорил, отметая все сомнения:

– Нет, разумеется, нет. Я просто думал, может, мы оставили на холме в этом году слишком маленький пирог? Или дело в том, что у меня нет сыновей? Кхе-кхе, – смущённо потупился он. – Ладно, мистер Флаэрти, завтра так завтра, но если я снова лишусь сегодня бочки эля – пеняйте на себя, оплатите мне полную стоимость.

Киллиан не сказал ни да, ни нет, но хозяин дома принял молчание за согласие и, кажется, этим полностью удовлетворился.

Вечер прошёл так же, как и предыдущие два. Сторожить на сей раз выпало Сэму. Морс и хлеб с сыром ему поднесла сама Лизбет. Пока супруги ворковали, Киллиан незаметно подложил под язык волосок.

– А что же вы ничего не пьёте, мистер сыщик? – обиженно распахнула глаза Лизбет, заметив, что кружка гостя до сих пор полна. – Вам моя стряпня не по вкусу? Воды принести? У вас же этот, как его, гейс?

– О, нет, что вы, миссис Конноли, вы прекрасно готовите, – поспешил заверить её Киллиан и пригубить морс. – Очень вкусно. Вас научила этому рецепту матушка?

Лизбет к неудовольствию мужа полыцённо зарделась.

– Ой, что вы… Я сама, всё сама, – протянула она. Киллиан поморщился – от такой явной, слащавой лжи у него зубы свело. – От рожденья тяга у меня к этому делу, значит, к готовке – видать, на роду написано пабом владеть. Правда, Сэм, милый?

– Конечно! – жарко поддержал её супруг. Глаза у него заблестели – то ли от жадности, то ли от любви, Киллиан вечно путал эти чувства у молодожёнов. – А я тебе – лучший помощник, верно?

– А то! – согласилась Лизбет.

Поворковав ещё немного, она убежала – готовиться ко сну. А Киллиан, осушив кружку до дна, начал ждать, прикрыв глаза, и следить за Сэмом.

Большой дом засыпал постепенно.

Умолкли последние крикливые пьянчуги, свернувшие за угол улицы. Затих и успокоился Фергюс Барри, долго расхаживавший из угла в угол комнаты на втором этаже, бормоча под нос угрозы. Отыграла простенькую мелодию старинная музыкальная шкатулка в комнате Сьюзен и Маргарет. Застенчивая и трудолюбивая Джейн закончила отмывать зал и, грохоча вёдрами, спустилась в клетушку под полом – ужинать и умываться под храп рано отошедшей ко сну Люси…

Наконец всё стихло.

Сэм начал клевать носом, выронив на пол недоеденный кусок сыра. Ровное прежде дыхание на мгновение прервалось – и сильно запахло бренди. Киллиан заглянул в свою кружку и ничуть не удивился, обнаружив, что остатки морса превратились в спиртное. Потом скрипнула

входная дверь и послышались лёгкие шаги. Стараясь не выдать себя, Киллиан свернулся калачиком на полу – так, чтобы держать в поле зрения и вход в подвал, и ступени – и прикрыл глаза.

Шаги становились ближе, ближе и…

«Я так и знал. А ты был прав, Айвор. Колдунья в этом доме – настоящая красавица».

Киллиан терпеливо дождался, пока воровка откроет дверь и спустится в подвал, пока прошуршат тихо крошечные веретёнца с синей и белой нитками, пока звякнет гулко пустое ведро и не плеснёт вода в полном… И лишь когда полилась тихая, жутковатая песня, он поднялся и бесшумно скользнул к двери.

Как по ниточке, да по беленькой
Эль течёт, словно яркий мёд,
А по ниточке, да по синенькой
Холодная водица катится,
И как эль из бочки повытечет –
Так я скроюсь из дома отчего,
Коль не дал свободы – богатств не сули
Непослушной дочери…

– Эмили Ли, – подхватил песню Киллиан и сделал шаг через порог. – Здравствуй, красавица-колдунья.

Эмили отшатнулась – и опрокинула наполненное уже до середины ведро с элем.

– И не жалко хороший напиток переводить? – укорил её Киллиан, отступая от липкой лужи, чтобы не запачкать ботинки. – Впрочем, я не разделяю любви вашего отца к элю, мисс Барри.

Она потянула за нити, сматывая их на маленькие веретёнца, и сердито взглянула на Киллиана.

– Из-за этого эля меня замуж не отпускают, а Дерри заставляют работать в пабе.

– Значит, это вы унаследовали волшебный дар семьи Барри?

– Я, – упрямо вздёрнула Эмили Ли подбородок, не думая отнекиваться. – А ещё я имела глупость сообщить папеньке, что не собираюсь всю жизнь просиживать в пабе. И тогда он отказал нам с Дерри в благословении, пока мы не заплатим откуп. Сто фунтов! Люси в год получает двадцать, откуда мне столько взять? А Дерри, если ему приходится ещё и в пабе работать?

«Выиграть у богатых бездельников», – мрачно подумал Киллиан, вспоминая загулы компаньона.

– И тогда вы решили отомстить отцу, превратив его эль в простую воду?

Эмили Ли фыркнула.

– Сначала – да. Первые две бочки я просто вылила в помойную яму. А потом решила, что пусть уж отец сам себе этот дурной выкуп платит! Дермот договорился с одним трактирщиком в деревеньке с той стороны Дублина и возит ему на продажу наш эль. Конечно, много денег за него не выручишь. Но хоть какая-то помощь…

– Умно, – похвалил Киллиан. – А я сначала думал, что это миссис Конноли проказничает.

– Таких дур поискать надо, – спокойно ответила Эмили Ли, заводя руку за спину. Киллиан на всякий случай отступил ещё на полшага назад. – Заподозрила меня в колдовстве, но помогать не перестала. Наверное, хотела потом отцу рассказать, чтобы он выгнал меня из дома без благословения и без приданного, а Лизбет сделал наследницей. Да только отец совсем помешался на этом наследстве фейри – никому, кроме меня, паб отдавать не хочет.

– Прискорбное упорство, – вздохнул Киллиан, соглашаясь. – Кстати, ловкий трюк с морсом. И с водой.

– Чего уж сложного, – пожала плечами Эмили Ли. – Всего-то и надо, что над остатками в кувшине пошептать… Вы уж простите меня, мистер Флаэрти. Но если вы про Дерри расскажете, то не видать ему своей собственной адвокатской практики. Так что ниточке за ниточку цепляться, веретену вертеться, а Киллиану Флаэрти спать под землёй, да не пьяным сном – мёртвым!

Ноги у Киллиана тотчас сделались точно деревянными, а в горле резко пересохло. Тисовая веточка кольнула между рёбрами.

За спиной Эмили Ли прятала нож.

Но Киллиан даже испугаться толком не успел, не то что выход придумать.

– Нет-нет, красавица моя, вот это уже лишнее, – пропел знакомый голос, и острый нож, блеснув в свете фонаря, рыбкой нырнул в утоптанный до каменной твёрдости пол. – Давай-ка без крови обойдёмся. Зачем тебе, такой умнице, мараться убийством?

Айвор выступил из теней в углу – настоящий рыцарь-фейри, в зелёном плаще из блестящего атласа, в рубашке и брюках цвета самых густых июльских ночей, с поясом из золотых тисовых веточек – насмешливый, волшебный и лукавый. Колдовское онемение скатилось с Киллиана быстрее, чем вода с гусиных перьев.

– И давно ты там стоишь? – спросил он, откашлявшись.

– С самой первой ночи сторожу, – бесстыже подмигнул Айвор. – Не поверишь, променял на тебя прелестную Кларисс. Всё думал, когда ты догадаешься, кто на самом деле воровка. Забыл, как я тебя учил – если ищешь колдунью, ступай к самой умной девице, которую замуж не пускают? – и он рассмеялся.

– И что теперь со мной будет? – зло спросила Эмили Ли.

В глазах у неё блестели слёзы – то ли от ярости, то ли от обиды.

Айвор многозначительно улыбнулся и шагнул вперёд, прикасаясь к её плечу.

– А теперь, колдунья-красавица, мы с тобой… – Он склонился к уху Эмили Ли, опаляя кожу дыханием. Девушка испуганно вздрогнула, впервые за всё время, кажется, осознав, что связалась с фейри. – …заключим сделку за спиной у твоего непочтенного отца. Как ты на это смотришь?

Киллиан, усаживаясь на ступени, мрачно посоветовал:

– Соглашайся сразу. Слово джентльмена, как бы ты ни торговалась и о чём бы ни просила, этот всё равно сделает по-своему. Лучше уж сберечь силы.

– Не волнуйся, честь у тебя я не потребую, – успокоил Айвор Эмили. – Всё равно ты её уже подарила своему любовнику, Дерри. А хочу я часть того, что тебе отдаст слуга этого дома, перешедший к тебе по наследству от деда и прадеда, и его прадеда… Согласна?

– Какой слуга? – насторожилась Эмили Ли. Айвор легонько сдавил её плечо и сдул с лица прядь пшенично-золотистых волос:

– Соглашайся, Эмили Ли. Я два раза не предлагаю.

Девушка зажмурилась – и выдохнула:

– Хорошо. Сделка.

– Сделка, – сыто улыбнулся Айвор. – Что ж, а теперь взглянем на клуракана, который издавна обитает в этом подвале. Позор тебе, Киллиан – неужели ты принял его за брауни?

Киллиан вспомнил, как выглядел старичок, будивший его в памятную ночь – и выругался.

– Ну, конечно. Клуракан, а никакой не брауни – старичок, охраняющий эль, приводящий удачу в дом… И указывающий на спрятанные клады!

– Совершенно верно, – согласился Айвор и отступил от Эмили Ли. – Как думаешь, наберётся в кладе монет на сто фунтов?

Девушка кивнула, робко ковырнула мыском ноги рукоять ножа, почти целиком ушедшего в землю, прикоснулась пальцами к прохладным бокам тесно стоящих бочонков…

– А как позвать клуракана?

Улыбка Айвора стала шире.

– Я научу. Иди-как ко мне поближе…

Киллиан принюхался к запаху эля – и чихнул.

Волосок Нив выпал, и тотчас же навалилось пьяное беспамятство.

Утром семейство Барри имело удовольствие лицезреть на столе во время завтрака грязную, вонючую, перемотанную тряпицей бутылку. Светило майское, невыносимо яркое солнце, а с кухни доносились тошнотворно сильные запахи бекона, яичницы, поджаренной фасоли и свежего хлеба.

– Вот он, ваш вор, – уверенно заявил Киллиан, стараясь не морщиться от жесточайшего похмелья.

– И кто это? – неуверенно поинтересовался Фергюс Барри.

– Дух скупости, – туманно ответил Киллиан. Эмили Ли поперхнулась и уткнулась взглядом в скатерть. – Заводится иногда в старых домах, где хозяин перестаёт поступать по справедливости. И, хотя я заточил этого конкретного духа в бутылку, никто не даст гарантии, что другой проказник не появится вскоре… Если не соблюдать некоторые правила.

Бутылка, зачарованная Айвором, зловеще загудела и подпрыгнула. Девочки завизжали, миссис Барри лишилась чувств, Дерри оттеснил плечом возлюбленную, отгораживая её от зловещего предмета, а мистер Барри побледнел как полотно, стянул парик со взмокшей лысины и растерянно спросил:

– И что же мне сделать?

– Во-первых, вернуть традицию дарить служанкам подарки на Рождество, – начал перечислять Киллиан, загибая пальцы. – Во-вторых, завещать паб старшей дочери и её супругу, как и полагается по закону… – Тут в обморок хлопнулась уже Лизбет. – В-третьих, перестать разбавлять эль, надеясь, что посетители ничего не заметят после шестой кружки… – Фергюс Барри побагровел от возмущения, потом снова побледнел и наконец пошёл пятнами. – В-четвёртых, отпустить замуж Эмили Ли, потому что силой в доме удачу не удержишь. И, в-пятых, разумеется, выплатить мне гонорар.

Мистер Барри открыл рот, намереваясь решительно отказаться.

Бутылка зловеще засвистела.

Эмили Ли прикусила губу, чтобы не рассмеяться и всё не испортить.

Бутылка бочком, бочком начала перепрыгивать, подвигаясь ближе и ближе к мистеру Барри, пока тот, обливаясь потом, не сдался:

– Ну, хорошо! Сделаю, как вы говорите, мистер Флаэрти, но больше от меня заказов не ждите! И эля я вам на дорожку не налью!

– Вот за это – премного благодарен, – искренне ответил Киллиан.

Формальности заняли час, не более. Мистер Барри, пользуясь неточностью в договоре, пытался расплатиться то ношеной шубой, то мелкими медными монетами, пока наконец не сунул, раздосадованный, пять фунтов в мешочке и не выпроводил гостя за порог. Эмили Ли догнала Киллиана и вручила ему пузатую фляжку.

– Тут морс, – шепнула и, увидев выражение лица Киллиана, рассмеялась: – Настоящий. Он вкусный, правда. А вы правда на меня не в обиде?

– Да не за что обижаться, – хмыкнул Киллиан. – В первый раз меня, что ли, убить пытаются? Я бы сам себя в такой ситуации попытался убить, честное слово. К тому же Айвор забрал что-то ценное из той шкатулки, да? Монеты мы наверняка продадим, учитывая аппетиты Айвора, их на два-три месяца хватит… А что за медальон был?

– Я не разглядела толком, – призналась Эмили Ли. – Там на крышке, кажется, тисовая веточка была выгравирована, а замок не открывался. Ваш компаньон сказал, что это ему будет полезно… Ой, давайте, я вас до конца улицы провожу? Раз уж вышла.

– А Дерри не будет ревновать?

– Обязательно будет, – улыбнулась она. – В этом и смысл.

– Жена-колдунья – страшное дело, – пошутил Киллиан, щурясь от яркого солнца.

– Страшнее компаньона-фейри?

– В моём личном списке самых «страшных дел», мисс Барри, Айвор всегда на первом месте. О чём бы ни шла речь.

Эмили Ли снова рассмеялась, и ей вторил смех фейри.

Судя по интонациям, комплимент Айвор оценил, но на исцеление от похмелья именно сегодня Киллиану рассчитывать не стоило…

Глава 3. Бездолье

Айвор частенько посмеивался над компаньоном и попрекал его мягкосердечием. Киллиан и вправду мог ввязаться в сложное расследование, а платы потом не взять, особенно если о помощи просила девица; револьвер он хотя и таскал с собой, но стрелял чаще в воздух, да и вообще больше полагался на красноречивость и обаятельность, чем на силу.

– Ты, любезный мой друг, слишком хорошего мнения о людях, – умудрённо изрекал фейри время от времени, как правило, после объяснения с очередным прижимистым клиентом или скандальным адвокатом клиента. Простого магического трюка вроде оживших теней в углу или зловещего хохотка из-под пола обычно хватало, чтобы вразумить корыстолюбца, но Айвор всё равно ударялся в мрачные умствования. – Думаешь, каждый будет тебе благодарен за хорошее отношение? А вот и нет. Иной ещё подумает про себя: «Здорово я нагрел этого идиота, а!» Это если человек хоть на десятую часть порядочный попадётся. А кто половчее, тот попробует снова воспользоваться твоей добротой, принимая её за глупость. Иногда нужно показывать зубы.

Нив, если ей случалось застать такую тираду, обычно на этом моменте важно кивала – и демонстрировала воистину роскошный оскал.

– А если всё время показывать зубы, то можно случайно укусить ни в чём не повинного человека, – упрямо возражал Киллиан. Айвор улыбался ему ласково, как наивному ребёнку, и говорил:

– Вот на то, драгоценный мой, тебе и дана смекалка. Смотри внимательно и думай. Ты мальчик умный, так что отличить негодяя от честного человека в беде тебе вполне по силам. А изначально относиться по-доброму к каждому встречному… однажды это может стоить тебе жизни.

Подобные разговоры повторялись от случая к случаю, но Киллиан никогда не думал, что когда-нибудь слова Айвора сбудутся почти буквально.

Стоял дождливый летний день – не слишком холодный, но с таким промозглым ветром, что умный человек и носа на улицу не высунет. Киллиан считал себя человеком, безусловно, умным, а потому надеялся до самого вечера просидеть дома, за хорошей книгой. Или за игрой в карты с Айвором – если он, конечно, согласится.

Увы, надеждам этим не суждено было сбыться.

Нив, пребывая по случаю мокрой погоды в распрекрасном настроении, решила побаловать домашних на ужин чем-нибудь особенным. Отлучившись на час, она вернулась с огромной корзиной, доверху наполненной самыми чудовищными дарами моря, какие только можно представить – от страшноватых розовых рыб с выпученными глазами до бурых водорослей, пахнущих йодом. Полюбовавшись на это роскошество, Айвор неожиданно вспомнил о неких совершенно неотложных делах и выскользнул через чёрный ход. Киллиан стоически перетерпел наплыв ароматов с кухни – свежевыпотрошенной рыбы, поджаренных водорослей, перетёртого лука и чеснока, но когда понял, что ему вот-вот поручат разделывание ещё трепещущих морских угрей, то решил, подобно компаньону, спасаться бегством. Нив недовольно постучала по полу каблуком, как копытом, однако смилостивилась и отпустила хозяина-лентяя на прогулку.

Киллиан накинул плащ, влез в сапоги и выскочил на улицу.

Навещать недоброй памяти дядюшку О'Рейли было рискованно – он ещё в прошлый раз намекал, что хотел бы познакомить племянника с некоей великовозрастной девицей на выданье, дочерью своего сослуживца. Мстил, не иначе, потому что единственным достоинством «невесты» значилось приданное, долженствующее искупить и хмурый нрав, и кривой глаз, и

привычку поколачивать недостаточно галантных «женихов». Киллиан справедливо полагал, что он ещё слишком молод, чтоб покончить с холостяцкой жизнью.

– Ну и погодка, – пробормотал он, спускаясь от Рыночной площади вниз по улице. – И ведь даже в гости ни к кому не навяжешься, хоть в паб к мистеру Барри стучись.

Некоторое время Киллиан всерьёз обдумывал эту возможность – Эмили Ли наверняка была бы рада его повидать, да и Джон с Анной тоже. Зато Лизбет точно бы в кружку с пивом плюнула… Размышляя так, он сам не заметил, как добрался до парка. Дождь по-прежнему лениво накрапывал, ветер норовил запустить холодные пальцы под шерстяной плащ, а редкие прохожие на другой стороне улицы в густом тумане скорее напоминали призраков, нежели живых людей. И поэтому, когда одна из этих мрачных теней вдруг кинулась к Киллиану, вздымая руки, то он едва не сиганул в канаву.

Тень вцепилась в его рукав скрюченными пальцами и хрипло выдохнула:

– Помоги!

– Что случилось… мэм?

Киллиан даже не сразу разобрал, кто с ним говорит, мужчина или женщина. И лишь когда ветер откинул с лица просителя чёрный капюшон, стало ясно – это старуха-горбунья, древняя, как холмы. Желтоватое лицо напоминало рыхлый комочек бумаги, изрезанный глубокими складками; запавшие глаза словно покрывал восковой налёт; губы старость превратила в две узкие растрескавшиеся полоски в синеватых прожилках. И потому особенно жутко выглядели зубы – белые, ровные, как у молодой красавицы.

– Моя кровиночка помирает, – прошелестела старуха, и Киллиану пришлось наклониться к ней, чтобы расслышать слова за влажным шорохом дождя. – Иди со мной, прошу тебя… Больше никто не поможет…

– Что произошло с вашей «кровиночкой»? Она больна? Ей нужен врач? – попытался Киллиан прояснить ситуацию ещё раз, но старуха, не дослушав, вдруг повалилась на колени, тычась лицом в его ботинки.

– Всеми святыми заклинаю, помоги! Не оставь мою кровиночку… мою бедную девочку… мою крохотулечку…

Тут Киллиану в ярких красках представился брошенный младенец в грязных тряпках и беспутная мать, оставившая несчастное дитя на попечение нищей престарелой родственницы. Он оглянулся по сторонам в поисках констеблей. Но поблизости не было ни души, если не считать джентльмена в поношенном цилиндре, старательно делающего вид, что он очень спешит, и настороженной лисицы в подворотне.

– Гм… Мне надо пройти с вами, я правильно понял? – сдался Киллиан, подумав про себя, что сбежать от мошенников он всегда успеет, грабителям у него поживиться нечем, а вот ребёнок и впрямь может находиться в нешуточной опасности. – Или позвать доктора? Или заплатить за что-то?

Старуха перестала сипло причитать и вдруг запрокинула голову, глядя на него снизу вверх:

– Деньги у меня есть, золото, серебро, фунты – что захочешь… только спаси мою кровиночку! Тут близко идти, да, да…

Цепляясь за Киллиана, она поднялась на ноги и с удивительной для столь иссохшей и слабой женщины силой потащила его сперва вдоль по улице, а затем – через парк. Любопытная лисица проводила их до мостика через декоративный ручей, а потом чихнула, развернулась и потрусила обратно.

«Вот и вышел прогуляться, называется», – промелькнула невесёлая мысль.

Киллиан думал, что старуха отведёт его в трущобы наподобие Дымного Лога или Кирпичного тупика. Но конечной целью долгого, извилистого пути через заросший парк под всё усиливающимся дождём оказался чистенький домик с выбеленными стенами и черепитчатой

крышей. Под окнами пышно разрослась бузина, и молодые красноватые веточки с едва-едва обозначившимися ягодами так крепко переплетались со старыми хрупкими лозами, словно их нарочно в веники вязали. Проходя мимо, Киллиан машинально сорвал и растёр пальцами лист – руку обожгло, словно кипятком.

– Кровиночка моя, деточка моя, счастьюшко моё… – бормотала горбунья, бочком поднимаясь по ступеням. – Крохотулечка…

На скрип входной двери не откликнулся никто – ни слуги, ни кошки. В нос ударил густой терпкий запах, нечто среднее между крепкими травяными настоями и аптекарскими лекарствами, но даже он не мог заглушить гниловато-кислую вонь, которой, кажется, пропитались даже стены. Все зеркала и стёкла в доме были завешены плотной тканью, света отчаянно не хватало – газовые лампы горели тускло и бледно. Даже рассохшиеся лестницы прониклись тихим, потаённым горем и потому не издавали ни звука, когда кто-нибудь становился на ступени.

– Сюда, сюда, – поторапливала старуха, подталкивая Киллиана в спину острыми пальцами. – Красотулечка моя, околдованная, обездоленная…

– Послушайте, вы объясните уже наконец, что случилось с вашей «красотулечкой»? – поинтересовался он снова, пытаясь замедлить шаг. Тщетно – в хрупкой с виду горбунье силы было, как в Нив. – Она больна?

– Нет, нет, нет, – прошамкала старуха, вталкивая его в большую холодную комнату с плотно занавешенными окнами. – Помирает она, моя кровиночка.

– А я-то что могу сделать? – не сдавался Киллиан, отчётливо понимая, что этот вопрос надо было раньше задавать, не полагаясь на свои заключения. Комната меньше всего походила на детскую – скорее, на девичий будуар, и кисловато-грибной гнилостный запах был здесь просто невыносим.

«Надеюсь, меня не привели к какой-нибудь чумной, – испугался он, а потом вспомнил жемчужно-белые зубы горбуньи и содрогнулся. – А вдруг *эта* сама меня съест? Айвор про таких тварей рассказывал…»

Киллиан хотел позвать компаньона по имени, но язык отчего-то онемел. Руки и ноги сделались как у куклы на шарнирах, непослушными и вихляющимися, а голова потяжелела, как свинцом налитая. В спину снова ткнулось что-то острое, и, натужно обернувшись, он увидел, что старуха держит бузинную рогатку.

Белые зубы обнажились в заискивающей улыбке.

– Ты не бойся… Взгляни на мою кровиночку-крохотулечку. Вон, там… иди…

Облизнув пересохшие губы, Киллиан сделал шаг, другой, третий – и упёрся животом в изголовье кровати, стоящей посередине комнаты. Больше никакой мебели и не было. Зато кровать буквально тонула в ворохе перин, одеял, подушек и покрывал; всё пыльное, ветхое, в белесоватых нитях, напоминающих то ли грибницу, то ли густую паутину.

«Меня сейчас точно сожрут… и, надеюсь, хотя бы убьют перед этим…»

Он попытался негнущимися пальцами расстегнуть пальто и нащупать через слои ткани тисовую веточку, но тут старуха положила ему на затылок ладонь и надавила, заставляя согнуться. Киллиан едва не перевалился через изголовье – и неожиданно для себя оказался лицом к лицу с измождённой девочкой удивительной красоты. Ни восковая бледность, ни серый налёт на губах не могли скрыть природное изящество черт и нежность кожи. Пусть и слипшиеся, ресницы были густы и черны, брови словно очерчены рукою художника-фейри, а к гладким каштановым волосам хотелось прикоснуться всей ладонью.

– Кровиночка моя… дыши!

И старуха ткнула ему в шею бузинной веткой.

У Киллиана сперва перехватило дыхание – даже в глазах потемнело, и когда странное онемение спало, он машинально вдохнул так глубоко, как смог. Но в ту же секунду девочка

распахнула глаза – светло-карие, как дикий мёд – и коротко выдохнула. Кисловато-грибной запах въелся в гортань, кто-то вскрикнул… А старуха наконец отпустила Киллиана и кинулась к девочке, причитая:

– Ах, моя красавица, моя кровиночка! Живенька-живая, моя красотулечка!

Оглушённый, Киллиан с трудом выпрямился и попятился к двери. Пол выворачивался из-под ног, словно это были не доски, а спина пустившейся галопом лошади. Старуха рыдала – и целовала бледные щёки девочки, кислый запах рассеивался, сквозь шторы сочился желтоватый дневной свет. Киллиан почти не запомнил, как выбрался из дома и доковылял до парка – кажется, горбунья снова указывала путь; сквозь прорехи в тучах выглядывало льдисто-голубое небо, хрипло каркали вороны, прохаживаясь по деревянному мосту, на траве, на листьях, на дорожках – везде сверкали прозрачные капли воды. Карманы оттягивала страшная тяжесть; Киллиан ощупал плащ – зазвенело металлически, глухо. Изнутри грудь словно песком скребло на каждом вдохе, тело было точно кипятком ошпаренное – горячо и мокро, душно и тяжко. Каждый шаг давался всё с большим усилием. Наконец ноги подломились, и Киллиан грузно повалился на землю. Холод сырой травы ласкал щёку и шею, а из кустов таращилась испуганная лисица.

Неотрывно глядя на неё, Киллиан запустил руку за пазуху, между пуговицами пальто на груди, и сквозь жилет и рубаху сжал тисовую веточку.

– Айвор… – выдохнул он, зажмуриваясь. А потом – ещё тише: – Айвор, Тис-Хранитель…

Сквозь слитный гул крови в ушах Киллиан различил жалобное лисье тявканье – и шелест веток, сперва близко, а затем дальше и дальше.

Время растянулось вязким безвкусным киселём. Дождь то вновь начинал накрапывать, то утихал совсем; бушевал ветер в древесных кронах, тревожа дубы и яблони, терновник и бузину; небо выгибалось, точно пытаясь слиться с землёю, облака слипались с туманом и крохотными каплями оседали на траве. Иногда слышался шорох шагов по сырым песчаным дорожкам, но люди-тени скользили мимо, не замечая Киллиана. Только однажды встревоженный девичий голос прошелестел что-то о констеблях, но в ответ пробасили, что нечего, мол, о нищих пьяницах беспокоиться.

«Я не нищий! И не пьяница!» – хотел выкрикнуть Киллиан, но из пересохших губ вырвался лишь тихий полувсхлип-полувой. Где-то под слоем перепутанной жухлой травы, сырого дёрна, текучих глин и каменных костей билось ласковое сердце земли.

Тумм-думм, – говорило оно. – *Потерпи немного, тумм-думм. Скоро ты навечно будешь со мною, тумм-думм, тумм-думм…*

Биение это становилось громче и громче, словно оно неторопливо поднималось из глубины, а потом вдруг послышалось рядом, над самым ухом – и почву взрыхлили тяжёлые чёрные копыта. Запах чистой реки омыл гортань, и Киллиан прерывисто выдохнул, щурясь; в глазах плавали цветные пятна, и синий атлас рукава сливался с яркими окошками в облаках.

– Что же ты натворил, дружок? Глупое дитя человеческое, – прошептал Айвор, осторожно прикасаясь к пылающему лбу Киллиана. – Говорил же тебе – не испытывай судьбу, сторонись людей. И что мне теперь с тобою делать?

– …там была девочка, – пролепетал Киллиан. Ему казалось, что сказать это очень важно. – Такая красивая девочка в белой паутине…

Айвор замер:

– В паутине, значит… – и обратился к кому-то: – Благодарю тебя, можешь идти. За наградой подходи в любое время на задворки. – Раздалось довольное тявканье, и зашуршали кусты. – Нив, склонись, с ношей я так легко не запрыгну. Мы едем к Морин – дорогу помнишь?

Нив согласно фыркнула.

Он подсунул руки под колени и под спину Киллиану и поднялся. Огромная угольно-чёрная лошадь со страшными пылающими глазами сперва легла на траву, точно собака, а затем, когда Айвор оседлал её, взвилась одним прыжком прямо в небо.

– Держись за гриву, – раздался шёпот фейри над ухом. Со всех сторон клубился то ли туман, то ли облака, и чудилось, что копыта Нив оплетает высокая сизая трава. – Или пальцы уже не гнутся? Вот ведь бедолага…

Киллиан закрыл глаза, и нахлынули мутной речной водой старые воспоминания.

…Золотой полдень в медовом запахе клевера и скошенной травы; берег реки, гладкий и крутой, как лошадиные бока; широкая водная гладь, тёмная и недвижимая даже под жарким июньским солнцем – омут. А над омутом – дерево-исполин, ветви подметают синее небо, тучи дремлют на развилках, пышный мох укрывает корни. И белеет на берегу то ли косточка, то ли гладкий камешек, то ли раковина. Киллиан помнит любопытство, влажную землю под ногами, чёрную глубь омута, цепкие коричневые лапы и резь в груди – а потом тепло чужих рук и шёпот:

«И что же мне теперь делать с тобою, дитя неразумное, дитя человеческое?»

Сейчас Айвор повторял то же самое.

Расступились облака, и Нив скакнула прямо на Полынную улицу, перед домом с перекосившимися ступенями. Прозвенели склянки с чьего-то опрокинутого прилавка. Двери сами собою распахнулись перед Айвором, и он ступил через порог под хохот колдуньи:

– Ай, несёшь своего мальчишку, как невесту! Али отдариться им хочешь за все свои проделки? Али…

– Помоги ему, Морин из рода Дары-Искусницы, – спокойно прервал её Айвор. Не попросил – приказал.

Киллиан попытался вдохнуть глубже – и рёбра словно превратились в раскалённые обручи. Сознание поплыло, как свеча на камине. Вязкий, липкий воздух застревал в горле, набивался в глаза и уши, а тело казалось лёгким и негибким, точно кукла из соломы.

– А что с ним этакое приключилось? – Скрипнули половицы, холодные пальцы прикоснулись ко лбу. – Ох… Ну-ка, клади его сюда. – Киллиан почувствовал, что его тормошат, вертят из стороны в сторону, но не смог ни пальцем пошевелить, ни даже век приподнять. – Эй, келпи, ну-кась, пихни это пальто в печку… и рубаху, и сапоги туда же. Всё пусть горит! У меня огонь добрый, он круглый год не гаснет… Проклятие это, что ли?

– Проклятие, – гулко, как из-под воды, послышался голос Айвора. – И, видимо, не в первый раз его с человека на человека перекидывают.

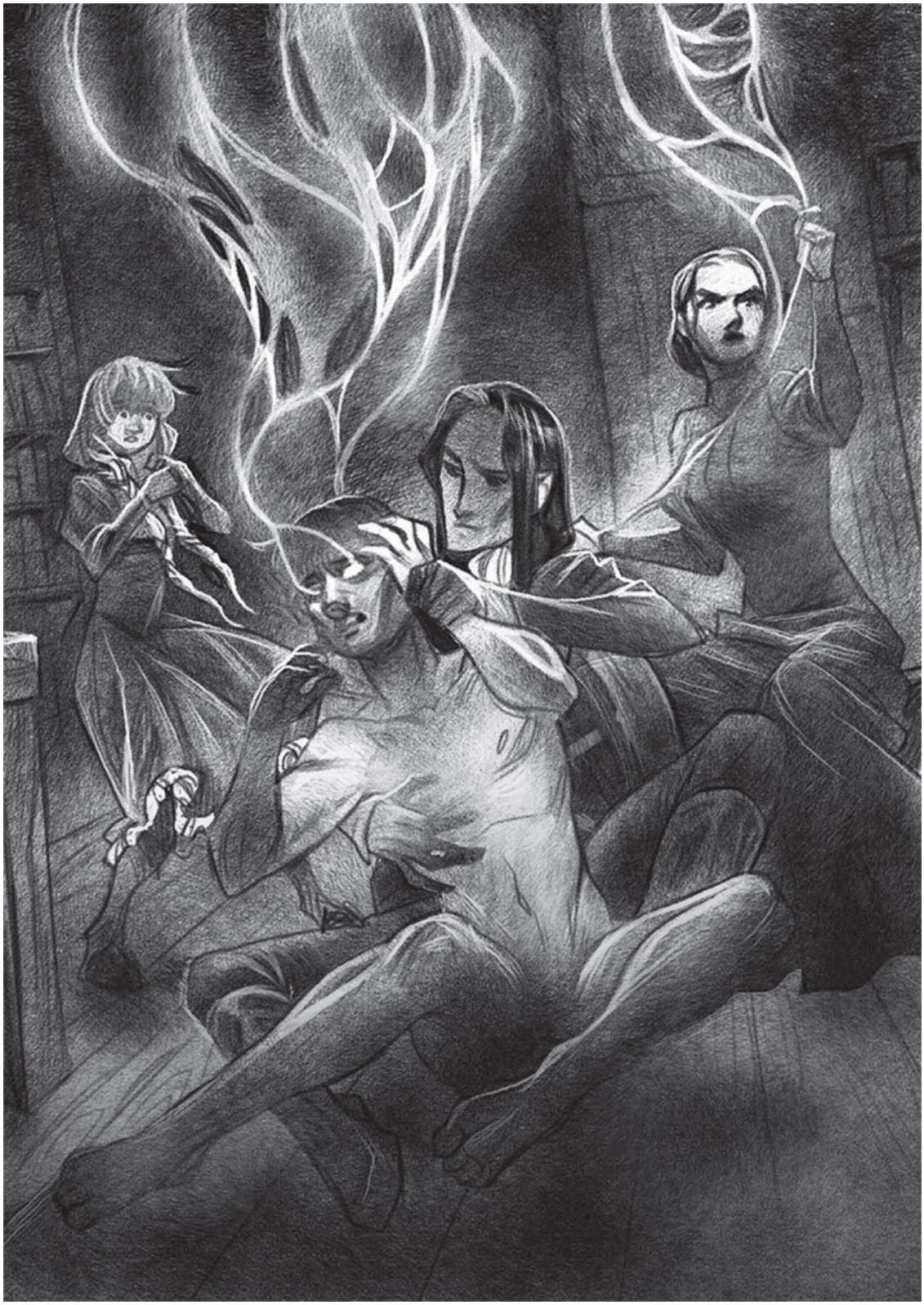
– И с каждого человечка оно силушку-то попило, а теперь насосалось, что твой паук, – скрипуче откликнулась Морин, ощупывая горло Киллиана кончиками пальцев. – Ишь, какое сильное сделалось, если даже к твоему мальчику прилипло… Ну, вот. А теперь держи его, Айвор, держи крепко, что бы он ни кричал и о чём бы ни просил. Не всякая боль во вред, не всякое избавление во благо.

Айвор усадил его спиною к себе и сжал так, что это ощущение пробилось даже сквозь горячую ватную дурноту и гул в ушах.

– Я знаю, Морин. Начинай.

Раздался протяжный скрип – и у Киллиана появилось чувство, будто из живота потянулась тонкая, но прочная нить. Скрипучая мелодия шла по кругу, и с каждым оборотом нить натягивалась всё сильнее, и вот уже казалось, что она чудовищно медленно вынимает из него внутренности. Киллиан дёрнулся, пытаясь освободиться, засучил ногами по полу, но Айвор держал крепко. А Морин завела песню о веретёнах, о глубокой воде, о седой луне и долгой

дороге… И Киллиан уже не мог понять, где и что у него болит; ему стало страшно, что если нить натянется ещё туже, то сдёрнет с него кожу заживо, как перчатку с руки.



– Пусти меня… – захрипел он, изворачиваясь ужом на углях. – Пусти, хватит… Айвор! Убери её, пожалуйста!

– Терпи, глупый ребёнок, – ответил фейри, только крепче сжимая объятия, и усмехнулся: – Сам виноват. Сначала гадости нахватался, а теперь жалуется.

От возмущения Киллиан даже на секунду забыл о боли – но только на секунду, а потом стало ещё хуже. Кажется, он закричал, или выгнулся дугой, или ударил Айвору в подбородок затылком – или всё это одновременно. В груди закипело что-то чуждое, злое. Нить вытягивала это «что-то», но оно сопротивлялось – и, обволакивая язык, заставляло тараторить без умолку. Боль же лишала последних остатков самообладания. Киллиан просил остановиться, затем угрожал, затем умолял, обещал жестоко убить и Айвора, и Морин, и даже Нив… но под конец обессилел, выдохся, и только и мог, что повторять:

– Чтоб ты подох, чтоб вы все подохли… лучше б я тогда утонул!

Последние слова Киллиан услышал со стороны – и сам испугался. В то же мгновение тренькнула, обрываясь, нить, и боль ушла. Айвор всё с той же бесчеловечной улыбкой разжал руки и потрепал его по волосам.

– Выговорился?

Морин поднялась из-за прялки, крутанув напоследок колесо. Горка желтоватой пряжи лежала прямо на полу, как сор. Нив сидела в углу на корточках и, уставившись в пол, скребла ногтем доски. На хозяина она старалась не глядеть, в отличие от колдуньи. Киллиан поёрзал, остро ощущая собственную наготу, и медленно выговорил:

– Айвор, я…

– Просишь прощения? – охотно подхватил фейри, а затем, отстранившись, снял сюртук и накинул его Киллиану на плечи.

– Да, и мне…

– Очень стыдно за своё немужественное поведение и жалкий скулёж?

– Да, и я не совсем…

– Не совсем понимаешь, что вообще произошло? – Айвор фыркнул и протянул Киллиану руку, помогая подняться. Встать на ноги получилось с трудом. Перед глазами всё ещё плыли разноцветные пятна, но сидеть на занозистом полу под внимательным взглядом Морин совершенно не хотелось. – Проклятие это было, беспечный мой друг. Настолько сильное, что оно не только едва не сгубило тебя, но и, обладая зачатками собственной воли, наговорило всем нам гадостей твоим языком, и не думай, что я приму это за смягчающее обстоятельство.

От привычного едко-насмешливого тона фейри почему-то становилось легче. Айвор не собирался щадить компаньона и носить его на руках, буквально и фигурально. Удержал, не позволив разбить прялку, одолжил сюртук – и на этом доброта закончилась.

Киллиан невольно улыбнулся.

Айвор же подошёл к Нив, опустился рядом с ней на колени и, крепко обняв, шепнул на ухо:

– Ты умница. Без тебя мы так быстро сюда бы не добрались, и он бы умер. Так что тебе он жизнью обязан не меньше, чем Морин.

Нив кивнула и хлюпнула носом:

– У-у… А поцеловать?

– Мне – тебя? – обрадовался Айвор. – О, это я всегда готов…

– Нет, – замотала она головой и стрельнула взглядом в Киллиана, особенно почему-то задержавшись на голых коленях, хотя одолженный сюртук прикрывал куда меньше, чем дозволяли приличия даже неджентльмену. – Он.

Айвор расстроенно вздохнул.

– Ясно. Что ж, юный должник, иди сюда. Будешь целовать прекрасную деву, которая не совсем дева, однако же истинно прекрасна… когда копыта не распускает. А у меня свои дела есть…

Целоваться Нив, конечно, не стала – просто повисла на шее и разрыдалась, как маленькая девочка, бубня под нос историю о том, как «батяня» однажды сдуру влетел в рыбацкие сети, да спьяну и запутался, а его потом на берегу батогами так отходили, что он «ну ей-ей, чуть не помер». Киллиан гладил её по голове, стараясь не особенно поднимать руку, чтоб клятый сюртук не задирался, и одним ухом слушал разговор Морин с Айвором.

– …когда рубашку соткёшь?

– Ай, к ночи управлюсь. Злая нить попалась, тридцать лет такой не видала…

– До полной луны продашь?

– А то ж! Но ты, слышь, с мальчишечки своего глаз не спускай. Хороший такой мальчишечка, вежливый, душа чистая… Жалко будет.

– Где торговать будешь?

– Ну, пожалуй, на Висельную площадь пойду. Там народ дурной ошивается, всё одно – не жалко.

Продолжая оглаживать Нив по вздрагивающим плечам, Киллиан повернул голову. Айвор сидел на корточках рядом с прялкой и держал нить, зажимая её самыми кончиками чёрных когтей, явно стараясь не коснуться пальцами. Морин хмурилась, растирая ладони – красные, словно кипятком ошпаренные. Кусочки мозаики постепенно начали складываться в картину, пока ещё неясную, но пугающе жестокую.

– Айвор, – негромко окликнул он. Фейри обернулся, насмешливо вздёрнув брови, и Киллиан, ругая себя, пониже натянул сюртук – как смог. – Айвор, я правильно понял, что вот эти спутанные нитки…

– И есть проклятие, – с готовностью кивнул Айвор и ухмыльнулся: – Ну же, не переживай, мальчик мой, оно к тебе больше не вернётся, мы об этом позаботимся… то есть позаботились.

– Вот это меня и интересует, – произнёс Киллиан, ни капли не веря компаньону. – Как именно вы собираетесь «заботиться». И не надо лгать, я же не идиот, в самом деле, и вижу, что проклятие ещё… живо, если так можно сказать.

– Можно, – благодушно кивнул Айвор. – Но не нужно. Забудь, и всё. Лучше подумай, как ты станешь без штанов добираться до дома. Я полагаю, что это будет весьма забавно, но, возможно, только с моей точки зрения, и, вероятно, для Нив, хотя зная её чувствительную и деликатную натуру, спрятанную глубоко под слоем наносной грубости и первобытной прямолинейности, я могу с уверенностью…

– Айвор. Замолчи, будь любезен, – сердечно попросил Киллиан и, отстранившись от Нив, шагнул к Морин, глядя колдунье прямо в глаза и не обращая внимания на многозначительные усмешки. – Может, вы мне объясните? И спасибо вам за помощь. Я ваш должник, правда.

Сказал – и улыбнулся. Тепло и немного беспомощно, как в прошлый раз.

– Ой, должник он, – фыркнула Морин, отворачиваясь. – Фу-ты, ну-ты, такими словами разбрасываться… Да ещё и не ушло проклятие до конца, рано благодарить. Только полдела сделано. Ежели я до полной луны из той нити ткань не сотку, а из той ткани рубаху не сошью, да ту рубаху не продам какому-нибудь горемыке, то вернётся оно к тебе да за единую ночь и сожрёт.

Нив протяжно шмыгнула носом – и снова разрыдалась, тычась лицом Киллиану в плечо. Не глядя, он обнял её одной рукою.

– А что будет с тем горемыкой?

– Известно что, – пожала плечами Морин. – Такая уж у меня работа. От хвори да горя не избавлю, а вот на другого перекинуть… – вздохнула она.

А Киллиан поймал взгляд Айвора, серьёзного, застывшего, как натянутая струна – и сказал одно слово:

– Нет.

И сразу как-то стало легче дышать.

Нив шмыгнула протяжно и крепко обхватила Киллиана руками поперёк груди, Морин улыбнулась по-особенному – так улыбаются некоторые матери или старые монахини в забытых обителях. Айвор же вздохнул и закрыл лицо рукою – кажется, улыбаясь тоже.

– Вот так и знал, что этот ребёнок ещё заставит нас всех поплясать… И что ты предлагаешь? – спросил он громче, глядя чёрным глазом в щёлку между безымянным и средним пальцами. Винно-красный блик из камня в перстне медленно перетёк в зрачок. – Хочешь стать агнцем на заклание, невинной жертвой на алтаре справедливости, глупым зайцем, которого выпускают перед гончими, чтобы их распалить до охоты?

У Киллиана тут же зачесалась голова. Он с некоторым трудом подавил желание её ощупать, дабы убедиться, что Айвор не отрастил ему заячьи уши – с того бы сталось.

– Нет. Ни зайцем, ни агнцем, и иной бессловесной тварью быть я не хочу. Лучше скажите мне, есть ли способ уничтожить проклятие вообще? Без следа?

– Не знаю, – не моргнув глазом, соврал Айвор.

– Есть, – неохотно протянула Морин и опустила взгляд. – Найдите его корень. Найдите того, кто это проклятие в мир выпустил. И пускай он или взад его берёт и сам помирает, или условие говорит, какое выполнить нужно. Такие проклятия с ничего не делаются, для них, перво-наперво, повод нужен – и условие. Коли не выполнишь условие – проклятье на тебя ляжет, а выполнишь – развеется по ветру.

Киллиан задумался. Конечно, велик был шанс, что проклявший выставил какое-нибудь заведомо невыполнимое условие, с которым бедная девочка из разрушенного особняка не справилась.

«Но ведь в любом случае вернуть проклятие тому, кто его создал, будет справедливее, чем повесить на ни в чём не повинного беднягу».

– Делать нечего, будем искать проклявшего, – подвёл он итог разговору и повернулся снова к Айвору: – Поможешь мне?

Фейри трагически вздохнул и развёл руками:

– А куда мне деваться? Отговорить ведь тебя не получится, я правильно понял?

– Нет, – улыбнулся Киллиан.

– А помнишь, кто и когда тебя проклял? Тебе дали какой-то предмет, может, подвели к человеку? – начал расспрашивать Айвор. – Ты упоминал о некой девочке в белой паутине.

– Не помню, – признался Киллиан, подумав немного. Последние несколько часов были как в густом тумане – смутные, неясные образы, похожие больше на тени, разбежавшиеся от бледного свечного огонька. – Кажется… Кажется, там ещё была старуха с белыми зубами. Как жемчуг… Она отвела меня куда-то, через парк. Но вот куда – я не помню.

– Я так и думал, – мрачно откликнулся Айвор и начал медленно обходить компаньона посолонь, не спуская с него пристального взгляда. – Даже немного жаль, что всю твою одежду мы сожгли – есть у меня приятели, которые могут ниточку дурного колдовства размотать по запаху.

Морин заглянула в камин, поворошила угли кочергой – и хмыкнула:

– Ой, не всё сгорело! Глянь, сколько там золота лежит – старые монетки, такие при моей бабке чеканили… Ты не бойся, смотри, оно теперь чистое.

Услышав о золоте, Айвор тут же сунулся к камину, начал ворошить угли и золу прямо голой рукой и, к удивлению Киллиана, вскоре действительно накидал на пол перед решёткой десятка два кругляшей, толстеньких и блестящих. Морин тут же разделила их на две неровные кучки и большую подвинула к себе кочергой:

– Это моё! – заявила колдунья решительно. – Сойдёт за плату, в счёт долга, – подмигнула она Киллиану и подтолкнула к Айвору три оставшиеся монетки: – А этого тебе хватит.

– Так мало? – разочарованно протянул фейри, и Морин, фыркнув, стукнула его по руке кочергой, выбивая ещё одну монетку из рукава. – Ну, ладно, ладно, уговорила. Деньги эти и впрямь сейчас редки. Я даже знаю, у кого можно поспрашивать о них.

– Думаю, что нужно сначала вернуться туда, где вы меня нашли, – вклинился в разговор Киллиан. – Я огляжусь по сторонам и наверняка чего-нибудь вспомню… Айвор, а давай прямо сейчас пойдём?

Фейри закатил глаза.

– Вечером? Через полгорода?

– Ну да.

– Зная, что колдуньи и злые духи к ночи получают наибольшую силу?

– О, значит, и у тебя силы возрастут? – искренне обрадовался Киллиан. Нив хихикнула ему в плечо.

– Что значит «и у меня тоже»? – возмутился Айвор. – Вот она, человечья неблагодарность!

– Значит, ты согласен? Если не хочешь, я могу и один пойти…

– Нет уж, бессовестный мой друг, – не на шутку рассердился Айвор и нахмурился. Одолженный сюртук воинственно встопорщил воротник – и резко вывернул рукава, заставляя Киллиана крепко-накрепко обнять самого себя. – И прикуси-ка язык, сквернословием тебе меня не переубедить. Морин, милая, можно у тебя это позаимствовать? – галантно поклонился он колдунье, указывая на шаль, пока Киллиан дрыгал ногами, пытаясь вывернуться из сюртука. Бесполезно – только полы сильнее задирались, заставляя Нив заливаться жарким румянцем. – Вот спасибо. Нив, оборачивайся – повезём нашего героя домой.

И, укутав Киллиана огромной, как простыня, жаркой шалью, Айвор взвалил его себе на плечо и вслед за келпи вышел из дома, напоследок звучно чмокнув Морин в губы.

Колдунья вздохнула, трепеща ресницами, и тихим просьбам Киллиана о помощи не вняла.

Только оказавшись дома, Киллиан понял, насколько устал. Стоило Айвору наконец поставить его на пол и отозвать хищный сюртук, как ноги подкосились, и даже пушистая шаль Морин не смягчила позорного падения. Фейри обидно хмыкнул, затянул двери и окна тисовыми лозами и ушёл в спальню, оставив компаньона на руках у причитающей Нив. Келпи, ворча и поминая неугомонного «батяню», приволокла здоровенную лохань с речной водой, затем принесла на вытянутых руках ведро кипятка с плиты. С точки зрения Киллиана, даже после этого купальня получилась холодноватая, но его мнения как раз никто не спрашивал – макнули, как котёнка, с головой, а потом пихнули в руки брусок душистого розового мыла и приказали «ни в коем случае не утопнуть».

– Нив, ты меня ненавидишь, что ли? – риторически вопросил Киллиан. – Я спать хочу, а ты…

– Вода с людей всякую пакость смывает, а уж эта вода – тем более, – пробурчала служанка, отворачиваясь. – И вообще, от тебя лисами несёт… извиняюсь.

До кровати в итоге Киллиан еле дополз, а проснулся уже после полудня. Айвор, отвратительно бодрый, сидел на шкафу и грыз наисвежайшее, будто только что сорванное с дерева яблоко с зелёным листочком – хотя до первого урожая оставалось ещё месяца два, не меньше. Нив, как всегда, лохматая и в платье наизнанку, накрывала на стол, выставляя тарелки одну за другой – с картофельными оладьями, с хлебом, с поджаренными помидорами, плошки с джемом и с белёсой массой неприятного вида.

– Рыбно-грибной соус к оладьям, – вкрадчиво подсказал Айвор, проследив за взглядом компаньона. – Ты не бойся, мой дорогой друг, кушай всласть. Тебе нужно восполнять силы, а готовит наша обворожительная Нив – просто пальчики оближешь. Да?

Келпи смущённо кивнула. Киллиан получше запахнул халат и присел на край стула, с опаской подвигая к себе тарелку. Впрочем, скоро здоровый аппетит пересилил нездоровые сомнения, и, на радость Нив, тарелки стали пустеть. Айвор тем временем спрыгнул со шкафа, отряхнул сюртук от пыли и начал вещать, расхаживая по комнате вокруг стола:

– Итак, мой милый друг, пока ты спал и любовался во сне прекрасными девами, синими озёрами и тучными пастбищами, я навестил некоторых своих друзей. И за скромную плату – у нас теперь, кстати, на один золотой меньше – они любезно рассказали мне, откуда могли взяться эти старые монеты. Судя по тому, что монеты всего несколько раз переходили из рук в руки, кто-то нашёл клад… Очень старый клад. Один мой друг… Я упоминал о том, что он колдун?

– Получше тебя? – не удержался Киллиан от шпильки, и Айвор поджал губы.

– Вообще – нет, но к некоторым вещам он более чуток, – нехотя признал он. – Так вот, он сказал, что видит на этих монетах три тени. Первая – тень большого огня. Вторая – тень двуглавой башни. И третья – тень мертвеца.

Слушая его, Киллиан сам не заметил, как умял целую тарелку оладий и подложил себе ещё, на радость Нив.

– Хочешь сказать, что корень проклятия может быть в тех монетах?

– Корень проклятия? Нет, – задумчиво откликнулся Айвор, откладывая надкушенное яблоко на край стола. – Но монеты определённо с ним связаны. Как – попробуем узнать сегодня. Так что готовься к выходу, друг мой. У нас много дел… если, конечно, ты не передумал. Морин заправила нить в ткацкий станок, и к вечеру полотно на рубаху будет готово.

– Мы успеем, – уверенно заявил Киллиан, поднимаясь из-за стола. – Спасибо за завтрак, Нив. Ты сама себя превзошла, правда.

– Ты уверен, что успеем? – крикнул фейри вдогонку, и Киллиан обернулся. Глаза у Айвора стали совсем-совсем чёрные, без единого проблеска цвета, словно вязкая смола. В них не отражалось ничего – ни лампы с мягким желтоватым светом, ни бегущий по оконным стёклам дождь, ни застывшая испуганной серной Нив с кудрями, сияющими лунным серебром… ни сам Киллиан.

Абсолютный, всепоглощающий мрак.

– А почему нет?

– До полнолуния осталось два дня.

Погода чем дальше, тем становилась хуже. Вскоре хлынул самый настоящий ливень с градом – размером с горошину, а то иногда и с целый орех. Киллиан упрямо вышагивал, опустив капюшон на самый нос и ссутулив плечи, словно так можно было спрятаться от сыплющихся с неба ледышек. Толстая подкладка макинтоша слегка смягчала удары – но именно что только слегка. Всё равно Киллиан чувствовал себя побитой деревянной кормушкой, которую засыпали зерном едва-едва по донышку и отдали на растерзание ораве голодных кур.

«Немного дураков найдётся гулять в такое ненастье».

И действительно – улицы обезлюдели. Не видать было ни кэба, ни омнибуса, ни кареты, ни двуколки, ни даже фермерской телеги. Исчезли прохожие, зеваки, уличные торговцы, профессиональные нищие, газетчики, дамы с собачками, джентльмены в цилиндрах, дети и кошки. Редко-редко выглядывала из окна в какой-нибудь обшарпанной мансарде недовольная физиономия – непонятно, мужского или женского полу – и, скривившись презрительно, снова исчезала. В сточных канавах бурлили неукротимые реки, хрустели на тротуаре градинки, а холодный ветер с моря трепал листву, как осенью.

– …к ночи кончится!

– Что? – прокричал Киллиан, приподняв капюшон над левым ухом.

Айвор, промокший уже до нитки, но так и не сменивший тонкий шуршащий плащ на тяжёлый макинтош, улыбнулся:

– К ночи дождь прекратится. И что-то мне подсказывает, что нам это будет на руку… Крепись, до парка уже недалеко осталось.

Это «крепись», произнесённое смертельно серьёзным тоном, изрядно посмешило Киллиана; да и градинки в последние минуты становились всё меньше и меньше, и вот скоро полил обычный дождь – холодный, но и вполовину не такой неприятный, как раньше.

Недалеко от парка невесть откуда взялся густой желтоватый туман, словно земля протянула жадные лапы из низины к хмурому небу. Невольно Киллиан застыл – и тут его как паром ошпарило. Стало жарко и душно, перед глазами замелькали цветные пятна, не складывающиеся в осмысленную картинку – мужчина с брезгливым выражением лица, осторожный лис в подворотне, старушечьи узловатые пальцы, плотно обхватившие его, Киллиана, запястья…

– Вспомнил? – осторожно дотронулся до плеча Айвор, и наваждение спало. Киллиан закашлялся, взахлёб глотая холодный сырой воздух Дублина. – Что ты тут видел?

– Старуху… Да, точно, старуху с зубами как ровный жемчуг, – пробормотал он, сам себе не веря. Воспоминания казались нереалистичными фантасмагория, злая сказка, бредовый сон. – Она повела меня через парк. Там ещё был мост… и бузина.

– Бузина, говоришь? – Взгляд у Айвора стал сумрачным, как грозовое небо. – Что ж, пойдём поищем мост. Знаю я один подходящий поблизости.

Дождь тем временем и вовсе превратился в ленивую морось. Айвор вывел компаньона к узкому ручейку. Берега заросли дикими нарциссами, уже почти отцветшими – только две припозднившиеся стрелки ещё готовились раскрыть бледные лепестки.

– Вот это уже интересно… Киллиан, иди-ка сюда. Ты уверен, что старуха перевела тебя через ручей по мосту?

– А что?

– Тут берег обвален, – пояснил Айвор и прижал сложенную лодочкой ладонь к выемке в глине. – В двух местах, аккурат на расстоянии шага. Как если бы кто-то пытался затащить мальчика примерно твоего возраста, роста и сложения в ручей…

– Кхм.

– Хорошо-хорошо – юношу, – хмыкнул фейри. – Дети так быстро взрослеют… Да, и я готов поставить оставшиеся две золотые монеты против рваного носка, что ботинки у тебя были грязные – слишком грязные даже для прогулки по парку. К тому же перевести человека через текучую воду – один из верных способов сбить со следа волшебную погоню. Или наоборот, увести человека за Грань. Собственно, текучая вода – один из ликов Грани…

Он зачерпнул ладошкой воды из ручья и поднёс к лицу. Но пить не стал, только принюхался, тронул языком – и поморщился.

– Невкусно?

– Бузиной несёт, – коротко ответил Айвор. – Да, здесь точно прошла колдунья… А значит, я смогу пройти по её следу.

– Ты же говорил, что текучая вода запутает даже волшебную погоню? – усомнился Киллиан. Лезть в ручей ему не хотелось.

Айвор ухмыльнулся.

– Но не меня.

Он наклонился и быстро расшнуровал один сапог, другой и вручил их Киллиану. За сапогами последовал плащ, затем и жилет. Брюки Айвор закатал почти до колена, рубашку выпустил поверх пояса – и мелкими лёгкими шажками направился к берегу. В глазах у Киллиана защипало – ему то и дело мерещилось, что под босыми ступнями компаньона вьётся спутанная огненная нить. Она дёргалась и шипела, как живая, и уходила куда-то глубоко под воду – куда глубже, чем мог позволить узкий и мутный ручей. Айвор раскинул руки в стороны, балансируя

на невидимой грани, и прикрыл глаза, запрокидывая голову. Мокрые чёрные волосы липли к шее, а одна извилистая прядка пересекала лицо, как трещина в гипсовой маске.

Киллиан зажмурился и с силой потёр веки, а когда снова открыл глаза, то Айвор уже стоял на другом берегу – и казался ненастоящим, как лунный блик на льду.

– Иди за мной, – позвал он тихо. – И не бойся, не промокнешь… Хватайся за мою руку.

Быстро, чтобы не успеть передумать или испугаться, Киллиан сделал шаг, другой, третий, не отводя взгляда от фейри и стараясь не замечать, что земля колеблется под ногами, как туго натянутый шёлк. А потом – схватился за жёсткую сухую ладонь, и дрожь сразу прекратилась.

Вокруг расстилался древний буковый лес, и через него шла широкая дорога с двумя заросшими колеями. Ветер шевелил продолговатые листья, издалека веяло морем. Дождя никакого не было, и сквозь непостоянные разрывы туч мелькало стеклянно-синее небо. Тусклый свет не мог пробиться чрез густые кроны, и внизу царил полумрак, прохладный, мшисто-прелый и сырой.

В груди у Киллиана знакомо кольнуло:

«Здесь».

– Узнаёшь? – деловито поинтересовался Айвор, отбирая у него свой плащ, жилет и сапоги.

– Кажется, да. Вот странно – я только что был уверен, что тот дом располагался за парком, а теперь – нет.

– Колдовство, – пояснил коротко Айвор, застёгивая жилет и накидывая плащ на плечи. Шнуровка сапог затянулась сама собою, как живая.

– И где мы сейчас?

– Недалеко от Дублина. Не меньше, чем в полудне пути, но и вряд ли намного больше. Что подсказывает тебе память, куда идти? – поинтересовался Айвор, прищурившись.

«Проверяет», – вздохнул Киллиан.

– Память молчит. Но логика подсказывает, что идти надо вдоль колей, – пожал он плечами. – Собственно, больше и некуда.

Дорогой явно пользовались нечасто – колеи успели затянуться сорной лесной травой. Зато посередине между ними вилась узкая тропа. Чем дальше Киллиан шёл, тем более знакомыми становились ощущения. Травяные петли, что захлёстывали щиколотки, терпкий запах мокрой после дождя коры, яркое пятно среди зелени – не в сезон расцветшая красная наперстянка… Вскоре Айвор оттеснил компаньона и велел ему держаться позади.

Потрёпанный временем особняк восстал из глубин леса, как призрак.

– Вот эту бузину я точно помню! – Киллиан дёрнул фейри за рукав и показал левую ладонь. – Видишь красноватое пятно? Это я вчера схватился за лист, а меня обожгло.

– Не люблю я нынешних колдуний, – невпопад ответил Айвор. – Никакой изящности. Нахватаются по верхам… Гм, не обращай внимания. Первым иду я, а ты не высовывайся из-за спины, пока не скажу. И капюшон накинь.

Айвор поднялся по ступеням и, подцепив когтями тяжёлое латунное кольцо в пасти льва, трижды постучал. Дверь открыл средних лет мужчина в костюме дворецкого, тощий и угрюмый, как беспородный пёс.

– Леди никого не принимают, в город изволили отбыть, – проворчал он, уставившись в одну точку. Бакенбарды его смешно курчавились, один ус загибался вверх, а другой – вниз, одежда выглядела изрядно поношенной, точно её использовало не одно поколение прислуги… Словом, это был обыкновенный провинциальный дворецкий, совсем не похожий на духа-прислужника злой колдуньи. – Завтра, может, вернутся. А может, нет, на всё ихняя господская воля.

Айвор протянул руку и бесцеремонно дёрнул его за ус. Глаза дворецкого остекленели.

– Скажи леди, чтобы спустилась немедленно. У неё особые гости.

Но дворецкий даже не успел развернуться, когда послышался недовольный ответ:

– Уже вижу, что особые. И чем я заслужила внимание фейри столь знатного рода? Джонсон, можешь идти.

Очнувшись, дворецкий сгорбился и юркнул в дом, бросив напоследок злой взгляд на Айвора. А на пороге показалась миниатюрная женщина, прекрасная, как само утро. Каштановые волосы были свёрнуты в узел и спрятаны под старомодную сетку, расшитую мелким жемчугом, синевой глаза могли поспорить с весенним небом, а слегка вздёрнутый нос выглядел именно так, чтобы придать лицу некоторую легкомысленность и смягчить холодную суровость черт. Неправдоподобно узкую талию, кажется, можно было обхватить двумя ладонями, а из-под пышных голубых юбок виднелись только мыски расшитых бисером домашних туфель, не более.

– Чем заслужила? – Айвор рассмеялся, колко и неприятно, словно иней рассыпал по голой коже. – А сама не догадываешься?

И с этими словами он выдернул Киллиана за руку – и скинул с него капюшон.

Леди изменилась в лице. Рот у неё некрасиво изогнулся, и над нижней губой показались мелкие белые зубы, а ноздри хищно затрепетали.

– Полюбуйся, мой дорогой друг, – хмыкнул Айвор. – Вот она, твоя «старуха».

– Она? – поразился Киллиан и, вспомнив вдруг, как «старуха» валялась у него в ногах, тычась лицом в ботинки, смутился и отвёл взгляд. – Простите…

– Он мало что пострадал, так ещё и извиняется, – подосадовал Айвор. – Честное слово, Киллиан, однажды твоя доброта обойдётся тебе в непомерную цену. Больше эгоизма, мой дорогой друг, и ты проживёшь долгую счастливую жизнь в человеческом мире. Итак, красавица, пригласишь нас в дом?

Она скрестила руки на груди:

– А если не приглашу?

– Тогда я войду сам, – пообещал Айвор, скосив взгляд на куст бузины. Ветки зашевелились, хотя не было никакого ветра.

Леди думала не дольше секунды, а потом отступила в сторону, указывая рукой в полумрак холла:

– Что ж, прошу.

Перед тем, как ступить через порог, Айвор успел наклониться к Киллиану и прошептать, обжигая кожу дыханием:

– Не ешь и не пей ничего в этом доме, подарков тоже не принимай.

– И не собирался, – заверил его Киллиан и подавил желание снова накинуть капюшон на голову.

Так, на всякий случай.

Особняк оказался очень странным. На первый взгляд он поражал роскошью, но Киллиану то и дело мерещился то отставший кусок обоев, то свисающая с потолка паутина, то трещина в синеватом оконном стекле… Кисловатый запах напоминал о чём-то опасном, и в горле противно щекотало. Хозяйка дома, проводив гостей до светлого зала в зеленовато-бежевых тонах, указала на диван. Киллиан осторожно присел на самый краешек, Айвор – вспорхнул по обыкновению на спинку и заложил ногу на ногу.

Сапоги, испачканные в тине и в красной глине, почему-то не оставили ни единого следа на мягкой обивке цвета топлёного молока.

– Итак… – негромко произнесла женщина, привлекая внимание. Вид её выражал полное смирение, хотя в напряжённом развороте плеч угадывался намёк на опасность и готовность атаковать. Киллиан заметил сухую бузинную веточку-развилку, торчащую из-за пояса платья, и напрягся, ожидая худшего. – Прежде, чем вы начнёт обвинять, взыскивать долги или задавать

вопросы, я хочу вас кое с кем познакомить. Кэрис! – крикнула она громко, и тут же наверху хлопнула дверь.

– Иду, мамочка!

Забарабанили босые пятки по деревянным ступеням, прошелестели пышные юбки из тафты, и в комнату вихрем ворвалась девочка лет тринадцати на вид, самая прелестная, какую только можно представить. От пышных локонов цвета каштана и до светлой улыбки, от нежной кожи и до медово-жёлтых глаз – во всём она была совершенна.

Женщина подманила её к себе и обняла, не отводя взгляда от Киллиана.

– Позвольте представить вам, джентльмены, моё дитя – Кэрис, последнюю из семьи Оллен. И я, Корсен, дочь Кейнуэн, дочери Краген, дочери Кадуин, чей род восходит к Канайд Оллен из Бузинной Долины, сделаю что угодно под этим солнцем, чтобы спасти своего ребёнка. Будет надо – убью. Одного человека, двух, целый город – неважно. И кто посмеет меня осудить?

Притихшая и испуганная Кэрис замерла, в упор глядя на Киллиана.

– Всё, значит? – скучным голосом произнёс Айвор и покачал мыском сапога. А умереть ради неё тебе в голову не пришло? Ты решила, что дешевле будет откупиться другим человеком? А о том, что он тоже для кого-то столь же дорог, как эта девочка для тебя, ты не подумала?

Кормен помрачнела.

– Я мать. Я не могу оставить своё дитя в одиночестве, без защиты!

– Без защиты? – переспросил Айвор и уже напоказ вытер сапог об обивку дивана. И снова – ни пятнышка, ни следа. – В этом доме, да с такими слугами даже младенец может спокойно повзрослеть, ни разу не испытав ни в чём нужды. А уж тринадцатилетняя девица… Я помню времена, когда таких девиц замуж выдавали, и они справлялись с ведением хозяйства даже лучше, чем нынешние неженки-недоростки двадцати лет… И перестань наконец трястись и тискать бузинную ветку. Если бы он погиб, – Айвор легко коснулся пальцами волос Киллиана, – то я бы пришёл один – и действительно ради мести. Но он жив, и мы пришли вдвоём… чтобы найти корень проклятия. Тебе нечего бояться, о Корсен из рода Оллен, что восходит к Канайд Оллен из Бузинной Долины.

Последние слова точно что-то надломили в Корсен. Она прерывисто выдохнула, разом осунувшись, и тихонько подтолкнула дочь в спину:

– Беги наверх, милая. Мне с гостями нужно поговорить…

– Нет, Кэрис, останься, – мягко приказал Айвор, и девочка замерла на полушаге. – Иди сюда, – похлопал фейри по дивану мыском сапога. Киллиана покоробило от небрежности жеста – так подзывают обычно маленьких салонных собачек. – Тебе тоже наверняка есть, что сказать. А ты не молчи, колдунья. Говори, с чего всё началось.

Женщина обречённо наблюдала, как Кэрис робко садится на диван – справа от Киллиана, чтобы оказаться как можно дальше от фейри. К воротнику детского платья была приколота маленькая гроздь сухих ягод бузины, но Айвор, нагнувшись, сорвал её и бросил на ковёр.

– Это было необходимо? – сухо поинтересовалась Кореен, уже не улыбаясь и не изображая радушную хозяйку.

– Конечно. Чтоб у тебя не возникло соблазна солгать, – прищурился Айвор.

– Может, не стоит так… – начал было Киллиан, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, но заработал чувствительный пинок в бок и понял, пока следует помолчать.

– Всё началось девять дней назад, – громко произнесла колдунья, не отводя взгляда от дочери. – Кэрис ушла играть к реке и не вернулась. Я не волновалась, когда она пропустила обед… В нашем лесу нет того, кто смог бы причинить ей вред посреди бела дня. Но когда и к ужину она не вернулась, я испугалась. У реки Кэрис не оказалось, а след терялся на камнях у брода. Когда я поняла, что уже темнеет и время моё на исходе, то решилась спустить гончих.

Киллиана охватил озноб. Свет в комнате словно померк; воцарившийся зеленоватый полумрак напоминал омут в солнечный день, если смотреть со дна на поверхность.

«Откуда я могу знать это?»

– Гончих?

– Когда будем выходить, обрати внимание на водосточные трубы и столбики перил на пороге, мой ненаблюдательный друг, – лениво посоветовал Айвор. – Кто их сотворил? Не ты – и дураку ясно.

– Моя бабка, Краген, – неохотно ответила колдунья. – Гончие встали на след и вывели меня к Кэрис. Она лежала на поляне среди земляники и кислицы – и словно бы спала. Руки у неё были испачканы в земле по локоть. Я попыталась разбудить её, но она не просыпалась, и тогда я отнесла её домой. Но не помогали ни чары, ни отвары, ни заговоры, ни обереги. Корень проклятия я найти не сумела, потому что не знала, кто проклял мою дочь, а сама она не просыпалась и не могла ничего рассказать. И когда на восьмой день я поняла, что полнолуния Кэрис не переживёт, то отправилась в Дублин и стала бродить по городу, чтобы увести кого-нибудь и передать ему недуг моей доченьки. Но был дождливый день, и все прятались по домам, а кто не прятался, тот гнал меня прочь или бежал сам…

– Из-за облика? – спросил Айвор таким тоном, будто уже знал ответ.

– Да.

– А почему именно старуха-горбунья?

– Таков мой гейс, – призналась Корсен. – Я родилась слабой, куда слабее моей матери и бабки, а им также было далеко до их предков… Мы вырождаемся. Для того чтобы сотворить сильные чары, я обязана выполнить два условия. Первое – мне нужно войти в свой истинный возраст. Второе – тот, на кого будут наложены чары, должен вслух дать согласие.

– Истинный возраст! – рассмеялся Айвор. – Ах, вот оно что… И эта девочка – твой первый ребёнок?

– Да, – опустила голову Корсен, некрасиво сгорбив плечи. – Мне уже девяносто лет, но я не старею, пока живу здесь, в доме, который построила сама Канайд Оллен. И я не могу покидать дом больше, чем на три часа каждый день, и выходить за пределы владений Оллен чаще, чем один раз от новолуния до новолуния.

– И вы за всю жизнь ни разу не нарушали этого правила? – не поверил Киллиан. В груди у него противно царапало, словно вместо сердца был колючий болотный огонёк. – Вы всё время живёте здесь?

– Да, – просто ответила она. – Джонсон раз в две недели уезжает в город, привозит с рынка всё, что нам нужно, и продаёт купцу мои кружева. Я плету их из лунного шёлка летом, из последней паутинки осенью, из инея на стекле зимою и из облаков весною, и нигде во всей Ирландии нет мастерицы лучше меня, – похвалилась Корсен.

– Вы живёте на деньги с продажи кружев? – уточнил деловито Айвор.

– Нет, – пожала она плечами, явно обиженная тем, что фейри не оценил её таланты. – От Канайд осталось два сундучка с золотыми монетами. И чем дальше, тем больше ценятся эти деньги.

– И где они хранятся?

– Может, мне вам их сразу отдать? – возмутилась Корсен, и Киллиан, приложив руку к груди, заверил колдунью:

Я не возьму у вас ни монеты и ему не позволю. Клянусь своей жизнью.

– Балбес, – в сердцах отругал его Айвор и досадливо поморщился: – Ну, что ж, клятва есть клятва. Но так или иначе, я спрашивал не потому, что хотел получить деньги для себя… Вот эта монета – из того самого клада?

Он достал из кармана золотой кругляшок и показал его хозяйке. Та кивнула:

– Да. А хранятся монеты под старой башней между холмами и лесом. Когда приходит нужда, я отправляюсь туда и беру горсть из любого сундучка. На них лежит заклятие – через тридцать лет каждая монета так или иначе возвращается на место.

– Сильные это чары, – задумчиво произнёс Айвор. – Неразменные деньги, пусть срок и велик – тридцать лет… А Кэрис ты нашла случайно не близко ли от той башни?

– В часе пути до неё, хотя направление то самое, – задумалась колдунья, и фейри обратился уже Кэрис:

– А ты что расскажешь, маленькая красавица? Помнишь, кто передал тебе проклятие?

Девочка вздрогнула и невольно подалась к Киллиану, будто искала у него защиты.

– Нет, не помню, – звонко произнесла она и передёрнула плечиками по-взрослому. – Но я помню, что копала что-то руками и мне обязательно надо было успеть это сделать до того, как солнце зайдёт… И ещё я помню мужчину. Он поцеловал меня в лоб. И ещё… Ещё он сказал «спасибо».

Корсен гневно засопела, и Киллиан понял, что эту часть рассказа она слышит в первый раз.

– Мужчину? – заинтересовался не на шутку Айвор. – И какого же? Как я?

– Нет, – замотала она головой – только кудряшки заплясали. – Не как ты. Он некрасивый был. И младше.

– Такой же молодой, как вот этот юноша? – хлопнул он по спине Киллиана.

– Ещё меньше, – решительно сказала Кэрис. – Он был как сын мясника, который привозит нам окорока на продажу иногда.

Айвор вопросительно уставился на Корсен. Та задумалась:

– Шестнадцать вёсен… нет, уже семнадцать.

– Ха, мальчишка, а не мужчина, – развеселился Айвор. – Некрасивый… А одет он был как тот сын мясника или как я?

– Не так и не так, – вздохнула девочка. – Во всё коричневое и серое… Я не помню! У него ещё шляпа была. С пером таким, полосатым.

– Не пойдёт, – нахмурился Айвор и прищёлкнул пальцами: – Эй, Корсен, принеси-ка мне зеркало. Любое, только маленькое. Ну же, быстро!

Колдунья подхватилась с места и, придерживая юбки, метнулась из комнаты. Послышался топот, потом – гневный окрик и жалобное лепетание дворецкого. Зеркало Айвор получил через минуту, не больше – овал в ладонь шириной, заключённый в полированную медь.

– Подойди-ка сюда, дитя, – подозвал Айвор девочку. Та послушно, хотя и не без страха, подсела к нему. – Ближе, ближе, что же ты так дрожишь… А теперь, когда я поднесу зеркало к твоему лицу, дунь изо всех сил, думая о том мальчи… кхм, о том мужчине.

С этими словами Айвор достал платок, в котором Киллиан с удивлением узнал «сестрин подарок», и начал натирать зеркало по кругу, против часовой стрелки. Постепенно гладкая поверхность становилась матовой, шершавой на вид, и переставала отражать что-либо. В глубинах стекла точно поселилась ночная вьюга – белёсое мельтешение во мраке. На полированной меди оправы медленно проступал иней.

– Сейчас! – приказал Айвор и сунул девочке под нос зачарованное зеркало.

Она зажмурилась крепко, до морщинок на лбу – и подула.

Вьюга в зеркале замедлилась – и сложилась вдруг в осмысленный узор, как в калейдоскопе. Только вместо орнамента было человеческое лицо.

– Знаете такого? – Айвор небрежно бросил зеркало Корсен, и она едва успела подхватить его над самым полом.

– Нет. Никогда не видела. Но я редко выхожу из дома и почти не бываю в деревне. Разве что… Джонсон! – позвала она слугу.

Но «дворецкий» тоже не признал измождённого юнца, таращившегося из мутных глубин зеркала.

– Что ж, придётся прогуляться до деревни, – неохотно признал Айвор. – Поднимайся, друг мой. До темноты уже не так много времени, и что-то мне подсказывает, что на ночлег нас

если и пустят, то без всякой охоты. Корсен, зеркало я у тебя заберу… Так сказать, в качестве платы, – недобро улыбнулся он. – И радуйся, что плата столь мала.

Покидая прибежище последних колдуний из рода Оллен, Киллиан нарочно задержался на пороге, чтоб разглядеть столбики перил. Верхняя их часть действительно была выполнена в виде химер – грубоватые поделки из дерева, потемневшие от дождей и солнца. Чудовищные зубы впивались в брусок, и казалось, что он вот-вот рассыплется в щепу под натиском челюстей. Змеиные хвосты сплетались в единый тугой жгут и тянулись по ступеням, повторяя все изгибы так, что издалека их можно было принять за бортик. Едва обозначенные лапы крепко прижимались к столбикам-туловищам, а когти отчего-то были темнее, чем остальное дерево.

Киллиан присел на корточки, заглядывая в пасть к одной из химер, и едва не поседел, когда тонкие руки обхватили его со спины, а губы прижались к уху.

– Кэрис? – севшим голосом спросил он, не шевелясь.

– Не ночуйте под открытым небом, – прошептала девочка. – Возвращайтесь в Дублин. Мальчика в зеркале зовут Джеми Макги… Он мой жених. Будет. Только матушке не говорите.

– Почему ты мне это говоришь? – только и смог произнести Киллиан.

– Потому что ты хороший, – просто ответила Кэрис. – И ты спас мне жизнь. Колдуньи такого не забывают.

– Кэрис, я… Спасибо, – от души сказал он. – А ты знаешь, где корень проклятия?

– Нет, – выдохнула маленькая колдунья. – Знала бы – так сказала. Я ничего не помню, что было с тех пор, как я у Джеми проклятие забрала. Но ты найдёшь корень, я верю.

Киллиан хотел сказать, что тоже хотел бы в это верить, но оглянулся на Кэрис – и передумал. Брови у девочки были нахмурены, как у взрослой, и мрачное выражение так не подходило к её лицу, ещё по-детски мягкому и округлому, что порядочный человек мог сделать только одно – подняться на ноги, похлопать Кэрис по плечу и пообещать, всё обязательно будет хорошо.

Киллиан так и сделал – а потом побежал вдогонку за компаньоном, успевшим уже скрыться в лесу.

– Поговорил с Кэрис? – буднично поинтересовался Айвор, на ходу сплетая из пучка травинок косичку. – Что она тебе сообщила?

– Так ты знал, что она захочет поговорить со мной?

– С той самой секунды, как понял, что бузинный амулет, который был приколот к воротнику её платья, сделала сама Кэрис, а не её мать, – подтвердил компаньон беспечно. – Знаешь, когда колдунья в четырнадцать лет настолько сильна, чтоб сделать толковый амулет, настолько умна, чтоб скрыть свою силу даже от собственной матери до поры до времени, и настолько хитра, чтоб перед злым чародеем-фейри притвориться испуганным агнцем – она наверняка ещё и настолько амбициозна, чтобы вести свою игру. Как видишь, я оказался прав. Так какие вести на хвосте принесла та прелестная птичка?

– Юношу из зеркала зовут Джеми Макги и он…

– Егерь или сын егеря, судя по одежде, человек, на целую ступень выше деревенских по статусу, – елейным голосом произнёс Айвор. – И, конечно, большая и чистая любовь красавицы Кэрис.

– Она сказала, что Джеми будет её женихом… – Киллиан вздохнул. – Слушай, если ты и так всё сам знаешь, может, мне помолчать?

– Помолчи, если хочешь, – фыркнул Айвор, пряча травяную косицу в карман. – Кстати, имя нашего героя я не знал. Джеми Макги… Это упрощает задачу.

До деревни оказалось немногим более двух часов ходу. Когда показались окраины и на Айвора привычно залаяли угрюмые сторожевые псы, уже начало смеркаться. Киллиан постучался в один дом, в другой – открывать никто не спешил. Лишь на шестой раз на порог вышел

дородный детина и, оглядываясь на пожилую женщину – то ли мать, то ли бабку – посоветовал попросить ночлега в церкви.

Тут скривился уже Айвор.

– Не сможешь войти? – сочувственно уточнил Киллиан.

– Смогу, – мрачно ответил фейри. – Если только церковь не из рябиновых брёвнышек сложена. Смогу даже на службе отсидеть. Только это будет, как бы тебе сказать… Гм, нарушение правил этикета?

О!

– То-то тебе и «О!», – проворчал фейри. – Впрочем, если тебе так мил запах ладана и лампадного масла, то я тебя не держу. Поступай, как знаешь.

– А ты что будешь делать? – поинтересовался Киллиан, почувствовав укол совести. Мысль, что компаньона бросать нехорошо, витала где-то на краю сознания. – Вернёшься в Дублин?

– Балбес, – хохотнул Айвор. – Тогда уже нам вдвоём надо возвращаться. Хочешь?

– Кэрис сказала, что нам лучше так и сделать, – рассеянно отозвался Киллиан, обдумывая предложение. В словах компаньона чудился подвох. – И что ни в коем случае нельзя ночевать под открытым небом.

– Ах, ну раз так, то мы обязаны поступить ровно наоборот, – развеселился Айвор. – Не вешай нос, мой недоверчивый друг. В летних ночах есть своя прелесть.

Ненадолго оставив Киллиана, фейри постучался ещё в один дом. Скрипнула дверь, зазвучал смущённый женский голос, потом звякнули монетки… Вскоре Айвор вышел со двора, мурлыча себе под нос бодрую песенку, и повёл компаньона за околицу. Отыскав на опушке леса молодой тис, фейри отправил Киллиана за дровами, а сам бессовестно развалился под деревцем, прикусив травинку.

По краешку леса словно корова языком прошлась – деревенские выбрали весь хворост до последней веточки. В чащу же по темноте забираться не хотелось. На одной удаче Киллиан за полчаса сумел наскрести только на маленькую охапку, какую и четырёхлетний ребёнок унесёт без труда. Тем временем с востока потянуло дымком, сладковатым запахом запечённой рыбы… Вернувшись на опушку, Киллиан с трудом удержался от того, чтобы не вернуться в лес и не надрать рябиновых розог.

Айвор, как ни в чём не бывало, сидел у костерка. На прутиках над углями скворчала рыба, натёртая солью и молодым чесноком. Высились на узорчатых листьях ревеня горки ягод – черники и ежевики, заманчиво блестели ссыпанные кучкой орехи – крупные, как на подбор. Особняком лежал гладкий обрезок коры, а на нём – кусок медовых сот. В кривоватом глиняном горшке закипала вода.

– Грхм, – звучно прочистил горло Киллиан. Айвор обернулся, мечтательно помахивая пучком трав ромашка, мята… – Грхм, – повторил Киллиан, не зная, что сказать – слишком много недостойных джентльмена слов рвалось с языка. – Слушай, а разве ягоды и орехи не осенью поспевают?

– Право, кого это волнует? – царственно пожал плечами Айвор. – О, наконец-то закипело! – опомнился он и, стащив горшок с огня голыми руками, сунул в воду пучок трав. – Присаживайся, друг мой. Трапеза наша, конечно, скудна, но один вечер можно и потерпеть. Кружку с настоем придётся передавать друг другу, если только ты не хочешь отпить из горшка… Киллиан? Что за взгляд?

А Киллиан уже не знал, чего хочет больше – смеяться или злиться.

– Обычный взгляд, – хмыкнул он наконец, плюхаясь на землю рядом с компаньоном. В подсохшем плаще было невыносимо жарко, даже с откинутым капюшоном. – Ладно, орехи и ягоды… Даже рыба меня не слишком удивляет… Но где ты добыл соль?

– Милая и очень одинокая вдова продала за сущие гроши, – признался бессовестный обольститель.

Киллиан не выдержал – и рассмеялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.